

СМЕНА

1961

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПРАВДА"

Дорогая братская!

Мы хотим поздравить вас с днем тракторостроителей Стальноградской фабрики, как это сделано в письме бывшего директора завода. Вот же времён, как мы соединились, тоже шесть лет, как и друга в семье, очень любимых.

У наших станинградских друзей борьба спасения гомельчан продолжается. Уже в заложенных тракторостроителей много интересных начинаний, созданные трудовые дела творят огонь для превращения быта в счастье. Всё больше работы станинградских концернов, были открыты на ходячие и к выходу.

Мы просим выражать "Смену" письмами на страницах "Смены" о том, как живут и трудятся сегодня молодые тракторостроители Стальнограда. Их хотят, так как

ЗАКАЗНОЕ ПО АВИО
Комитета по народному хозяйству СССР

3 № 561
МИНСК

Куда Москва, б-р
Спартаковский 2-я

Кому Редакции журнала
"Смена".

Адрес отправления: Минск.
Минский тракторный завод.
Комитета по народному хозяйству.

Благодарю за интересные
вспоминая ваши воспоминания
журнала.

Это поражение комсомольцев
и молодёжи общегородского тракторно-
го завода..

Зав. секрецией завода
комитета по народному хозяйству.

Л. Калеевский
Городской комитет
комитета по труду

Я. Кирин
Секретарь комитета
сталинградской коммунистической партии

Д. Дорофеевский

Удивлен комитетом
сталинградского труда
молодёжи, борющейся

15 июня 1961 года.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Предложение молодых юношей нас очень заинтересовало. В нем было много замечательного и необычного. Посоветовавшись с коллегами, мы решили не ограничиваться, как обычно, один-двеими материалами, а ширко, с разных сторон показать жизнь и труд молодых сталинградских тракторостроителей, рассказать об их радостях и трудностях, о работах и делах многотысячной комсомольской семьи, о горяческом напряжении всего коллектива завода, готовящего замечательный подарок XXII партконференции - первый серийный партию скоростных мощных тракторов «ДТ-75».

«Смена» на СТЗ по заданию читателей — под такой рубрикой в этом номере на 4—20-й страницах публикуются материалы со Сталинградского тракторного.

Дорогие друзья, читатели нашего журнала!

Нам хотелось бы узнать ваше мнение об этих материалах: что понравилось вам, что, по вашему мнению, редакция упустило? Какие новые темы, по примеру минчан, вы хотели бы предложить редакции «Смены»?

Ждём ваших писем.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ВОСТОК

ТРЕТИЙ

ЧИТАТЬ

Год

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

15

август
1961

«Посещение Кремля — самый счастливый и необыкновенный день в моей жизни».

Запись в книге для посетителей.

ВОСХОЖДЕНИЕ НА ВЕРШИНУ

—Как пройти к Боровицким воротам?

На бессонце — «Ленинградский»...

Девушка в спортивном костюме из Белоруссии; это легко определить по ее выговору. Высокий узбек в ватном цветном халате. Остальные откуда? Шофер совхоза «Ленинградский», и сам с Невской заставы: не успел, когда ехали на целину, осмотреть Кремль. Путевой обходчик со станции Зима. Молоденская учительница из Бийска.

Если бы юные судьбы вычерчивались на карте, из Москвы, из го-

родов и сел протянулись бы линии к самым дальним кружочкам и к таким местам, где ничего еще не обозначено, кроме сплошного разлива лесов да речной извилистости полоски.

Навстречу из Сибири, от поселка сахалинских рыбаков, от синих камышей, зеленой и желтого Памира, стянутся, пересекутся в самой крупной городской магистрали страны, синие, зеленые, стремительные линии. Побывать в Москве, с обнаженной головой войти в Кремль, осмотреть Кремль — правило советской жизни.

Московский Кремль! В нашем многоголосом и дружном народе най-

дется ли человек, для которого облик общего дома — Родины не слился бы с зубчатой стеною и острорванными башнями?

Когда гурманские конники, завсегда переход Ашхабад — Москва, пришли в Берлин, они сказали всесознанию старости:

— В Усть-Урте трудно было, а, трудно! Но каждый думал: иду в сторону Москвы.

Мудрый старик в очках, с бородой килимщиком ответил:

— Москва — высокая башня, она отводится видна.

Московский Кремль виден с Мамаеву курган, из донецкой шахты, в окно полевого вагончика тракторной бригады. Но, конечно, живая радиость — увидеть его взблизи.

В послевоенные годы Кремль молодел. Радовал своим свежемирническим цветом обновленные стены. Пестрела крыша Теремного дворца. Заново лучились позолота польских куполов.

В залах, куда прежде сходились только депутаты, вспыхнула новогодняя елка. За детьми двинулись студенты на выпускные вечера... На конец, разнеслась весть: открыт свободный доступ в Кремль. С тех пор миллионы и миллионы людей побывали здесь. Что перенимать, перечувствовать, кому учиться, на что надеяться?

Вот и мы с тобой, товарищ, идем по Александровскому саду. За Троицкой башней заметишь проступают склоны кремлевского холма. Смотри, он невысок, этот холм, а взгляд отсюда так охватывает землю, как ни с одной из знаменитейших вершин!

Ракетным взлетом поднимает нашу душу Кремль.

Скоро в кремлевские ворота войдет делегаты Двадцать второго партийного съезда. Они поднимутся на кремлевский холм, как на горный перевал, откуда вершина коммунизма встает воющую близко. Соответствуя со всем народом, они разработают маршрут нашего восхождения на эту вершину.

Свой очередной съезд партия созывает на сорок четвертом году Советской власти. Съезд даст стратегии основы плана двадцати новых строительных лет, примет новую партийную программу. На многие годы вперед будет видно с трибуны съезда.

Съезд будет ярким, красочным, одолены в пути, породят небывалый успех гордостью. Состроят, из каких темных щелей старой жизни пробились мы, какие тяжкие камни трудностей сбросили. В грозовую октябрьскую ночь вышли на верную дорогу и ни разу не свернули с нее. Тверды отсюда, с кремлевского холма, так ясны различны неуклонность и упорство нашего движения. Все, в чем сделала исторический почин страна Ленина, все, что она добрала бесстрашем, мудростью, трудами и кровью, связывают воедино; отдальные и разрозненные, казалось бы, события выступают ступенями одного пути, и видишь, как в этой переделке мира старые поколения подибают наследников и продолжателей своими железными плечами.

Нужна была неуступчивость, большевикам в спорах о первом параграфе Устава, чтобы над Смольным взвилось красное знамя. Нужно было форсировать Сибирь в двадцатом году и Днепр — в сорок третьем, чтобы СССР первым форсировал космос. Нужно было собрать на волжском берегу советский трактор, чтобы в южных степях поднялся Целиноград.

Сквозной смысл всего, что вынес, выстроил и теперь замыслил народ, видел сейчас отчаянней, чем когда-либо ранее:

— Все во имя счастья человека, все для него!

Cдумой о предстоящем съезде партии, в ожидании радости вступили мы на кремлевский холм.

С первого шага теплой пахнула опрятность, не уличный — домашний во всем порядок. Войти в Кремль — как войти в чисто прибранный горнолыжный. А ведь тут всегда так! Приобщение к торжественности кремлевских будней наполняет славным чувством, ощущением всенародной родственности и почести: и ты принят и посанжен в красном углу.

Медленно поднимались вдоль решетки от Боровицких ворот. Постоянно против входа в Большой дворец, всматриваясь в такие значительные для каждого из нас слова: «Всероссийский Совет» — простые русские слова, но в них заложена наше будущее, наше счастье.

Как Кремль лежит в сиянии всех путей, так и сам Большой Кремлевский дворец стает среди точенiem всей политической жизни. Здесь работали партийные съезды. Сюда сходились учитель и животноводы, композиторы и выпускники военных академий. Ударники и ударицы коммунистического труда приносили в своих ладонях неостывшее тепло наступившим рукопожатиям становщиков «Уралмаша» и строителей из Темир-Тау.

Нынешним летом, в годовщину начала Великой Отечественной войны, те же, кто водрузил над районом Знамя Победы, пронесли его через этот зал, через бурю оваций. Пронесли и установили возле гранитной фигуры Ленина. Кумачевская простота знамя. Неподбимое, как наш народ. Он в тот день поднялся над кремлевским холмом грозным напоминанием всем врагам мира: разгром ждет каждого, кто захочет испытать нашу силу...

Светлы запада двумя тысячами мест, казалось, под стать привычному советскому размаху. Но теперь он засиял. Сохранили ли Кремль свое величие, было ли место событий, которые произошли в нем, входит в историю? Да, сохранил! Взгляни, товарищ: даже древних строений поднялось новое здание, вот его легкие стены из стекла и белого камня. Здесь будет зал на шесть с лишним тысяч мест. Всепартийный и всенародный форум — XXII съезд собирается на этом сердце-вином холме.

С кремлевской трибуны слова советских коммунистов облетят землю и отзовутся в сердце каждого простого человека. Ненавистники коммунизма год за годом чернили члены только могли «политику Кремля», а смысл этой политики ныне ясен, как солнце. В коммунистическом обществе главное — человек. И все, что наметит XXII съезд, свершится во имя человека.

Заглушил голос Кремля — голос подлинной человечности — приказывают своим ученым слугам хозяева капиталистических монополий.

Вместо позывных автомобильными покрышками теперь все чаще раздается на Западе звездочки уверенный, что, иол, капитализму самой историей назначено оберегать «человеческие ценности». Американская политика лицемерно жалуется: они-де пригрозили в мировой борьбе бы силы будто потому, что основывают свою веру на «человеческих ценностях», в то время как политика Кремля — жестока и материалистичная...

Бедные американские капиталисты, они так ослабли от постоянных усилий сохранить в мире «человеческие ценности! Сколько понадобилось настолько, чтобы Хаммаршельд отдал голову Патрика Лумумбы за прибыли уравновесенных рудников Конголезии! И совсем не легко приблизить к народам американские «концепции свободы» настолько, насколько приближаются к ним американские военные базы.

Господам атомщикам хочется, чтобы голос их призыва звучал с холма, где стоит американский Капитолий. Но оттуда до людей доносятся лишь хриплые призызы к вооружению до краха...

Lинии... О нем мы думаем неиступно. Он жив здесь, в Кремле. Сюда приходил и к нему крестьянские зодчие, воинские, учёные. (Родись и ты немного раньше, мог бы вот так прийти к нему!) Из Самарской губернии передавали просьбу организатора крестьянского кружка высшего Состава — Ленин это же поправил выполнить ее и ответить, что писать ему можно прямо в Москву, Кремль. (И ты мог бы написать: «Москва, Кремль, Ленин!») Осенью двадцать третьего года он приезжал на Горы, на несколько часов в Москву и заходил в свой кремлевский кабинет. В последний раз...

С волнением проходим по тем местам, где Владимир Ильин поднял бревна на коммунистическом субботнике. Картины нашей, советской истории... Какая суровая, роспинская Никто не посмотрит закрыть ее парадными красками? Товарищ, всмотрись в эту даль, в нашу советскую рану: над пустыми полями, над бездымными трубами заводов вставала трудная заря новой жизни. Ни выбором наилучшей марки телевизоров озабочены были люди, а тем, где раздобыть стекло для ламповых ламп, где купить деревянные двери, чтобы не было скрипа, когда простых тюрок. А Ленин верил в электрическую Россию. Вот его рабочий стол. Здесь он писал «Очередные задачи Советской власти» и записки, чтобы товарищи выдали сапоги или шапки. На столе в подсвечниках — свечи; на случай, если погаснет свет. Однажды после собрания, где были Ленин и Горький, во всей Москве потух свет. Уезжал, Горький весело говорил: «Меня зовут Ильин поехать к нему, говорит, что у него есть какая-то необыкновенная, толстенная свеча... Так что мы посыпим с ним при этом свече. Помечтаем с ним о электрификации...» Ну ка, молодые, дерзющие, беритесь за кисть, запечатлейте их мечтами — при свече — о Волховской и Братской ГЭС!

Почки социалистической революции были нелегким делом. Но сквозь огнь, через горы трудностей пронес наш народ веру в человека, верность самым человеческим — коммунистическим идеалам. В сознании правды своего дела, великих борьбы за счастье для всех — разгадка того ни разу не оставленного напорта, с каким пробивал себе новую историческую дорогу наш народ.

Верите:
пройдут
года
сегодняшних тягот,
летом коммуны
согреет лета,
и счастье
счастью
огромные ягод
дозреет
на красные
октябрьских цветах.

Время созревания плодов пришло. Полнится коммунистическая чаша, высвечиваются и множатся духовные грани коммунистического человека. Взгляни теперь, товарищ, с высоты кремлевского холма: как широк, какое солнце впереди!

Xорошо человеку в Кремле. Идет неторопливо, на лице счастливая душа. Сколько всего надо еще осмотреть! ..Читаете записи в книге для посетителей. «Богата наша Родина, и Кремль чудесен», «После осмотра Кремля чувствуешь пригорю гордости, чувствуешь, что родился на Великой Земле, среди Великого Народа, чувствуешь, что ты сам велика». «Погражена всем видимым». Глубокое волнение испытываю, когда думаю о нашем народе, создавшем и создающем великолепные памятники искусства», — записывает библиотекарь из Казани. Шахтер записал: «Из далекой Сибири. Осмотрел Кремль. Спасибо Правительству».

Тут же записи людей из зарубежных стран. На китайском, арабском языках; человек, написавший по-чешски, вывел рядом по-русски печатными буквами: «Привет! А вот размышление: «Viva la patria! И вновь записал: «Слава Кремлю!». Абсолютно души, что Кремль — это не просто Кремль и увидит все это» «Счастлив, что осмотрел неоцененные создания народов русского, да будто вечно они живы и славят нашу Отчизну». «Самый светлый день — это день, когда я посетил Кремль», «Балтийский матрос написал: «Я желал бы, чтобы каждый советский человек побывал здесь».

Это сбудется! ..Спасские ворота вышли на площадь. В последний раз мы огляднулись на Западе, на востоке, на севере, на юге. Всемирное внимание, венчало Кремль горячим полотнищем, наше государственное знамя, поднятое в ту пору, когда в кремлевские ворота вошел Председатель — Ленин. Пронизанное солнцем, стремительное знамя коммунизма осенит все думы и решения Двадцать второго партийного съезда.

И. РОТИН

Три человека говорят об одном. Не привыкли к налипшим чувствам, Леша Даценко признается:

— Это я сначала побоялся...

И Леша застенчиво улыбается...

Гена Цветков, парень горячий и резкий, в сердцах бросает:

— Ну и насолил он мне в свое время!

А разметчик Виктор Хрипунов изобретенно покачивает головой и говорит:

— Чудак человек! Вынужт же так...

Трое говорят об одном — о мастере Зарубине. Говорят по-разному. Кому же из них верить?

Если посмотреть в глаза...

Лешка появился в цехе неприметно. Молчаливый, маленький, колючий. Всё детали на пол ронял. Уронит и испуганно оглянеться: никто не заметил? На Лешку не обращали внимания, пока не узнали, что он отбывал в колонии наказание.

Полезли к Лешке с распросами, как и что. Лешка смотрит исподлобья, молчит. И вдруг чихает:

— Ну, чего пристали к парню? А иу, марш к стаканам!

Ребята, как воробы, врасплохнули. Перед Лешкой — мастер. Пожилой, глаза усталые. Но Лешка по привычке в глаза не смотрит.

Мастер ни о чём распринял не стал. Поднял калюжку, которой Лешка прикрыл испорченные детали, и молчит. Лешка еще больше затосковал. Даже вслух от горечи.

— Я переделаю, — сказал он, глядя куда-то мимо лица мастера. — Я постараюсь...

Тут же ничего не переделалась, — мастер повертел в руке деталь... — гут дело посередине.

Сердце у Лешки упало и покатилось неведомо куда: «Погонят с завода».

— Это, дружок, брак, — ворчит мастер, — Ну, что у тебя тут? Почему детали запорол?

Недели спустя смотрит Лешка: мастер о чём-то начальнику цеха говорит, поглядывает в его сторону. «Не иначе про детали рассказывает», — заключает Лешка. В цехе стоял гул от машин. А если бы вдруг случилось, что замолкли бы все станки, Лешка бы усомнился.

— Что тебе стоит, пренеси лично парни, — просил мастер.

— Ты, Яковлевич, как ребенок, честное слово! — морщится начальник цеха. — Не все ли равно, здесь он ее получит или у станка.

— Для этого парня не все равно. Понимашь?

В обиженный перерыв подходит к Лешке начальник цеха и на вымогательский тон кладёт характеристику: Лешка поступает в школу. Первому в цехе вручает. Лешка стоит смущенный и счастливый. А в стороне мастер напротив ульбается. Но Лешка не видит этой ульбки. Он ведь не знает, о чём был у мастера разговор с начальником.

Не знает он и о разговоре мастера с Толей Тимофеевым. Толя — лучший токарь в цехе. Мастер просит его:

— Ты бы помог Даценко.

— Ершистый он парень какой-то... — нехотя отвечает Толя.

А вы не дозите к нему с глупыми распросами, он и не будет ершиаться.

У Толи все горят в руках. Каждое движение продумано, рассчитано. Привыкался к нему Лешка. Стал ходить по датам. Подружились. Только однажды остался Лешка один. Как раз тогда, когда Толя ему был так нужен...

Возвращались с экскурсией в Петродворец. Уставшие и сидели молча. А Лешка так и подмышил рассказать всем, как он сегодня познакомился с девушкой. Наконец он не выдержал и рассказал.

— У меня и косынка её осталась...

Сияющий от счастья Лешка стал показывать всем косынку. Постыдился насмешки.

— Вот тебе и тишина!

Лешка не знал, куда деваться от стыда. Эх, если бы рядом был Толя! И тут подошел мастер. Сел рядом с Лешкой, посмотрел на

И. ПРЕЛОВСКАЯ, А. СКРЫПНИК

ТРИ ИЗМЕРЕНИЯ

ребят так, что все они прикусили языки, и сказали:

— А помните, как у Пушкина про любовь?

Лешка обернулся, поглядел на мастера и вдруг увидел, что глаза у него добрые-добрые. А раньше Лешка не знал этого, потому что было у него привычка не смотреть в глаза.

Замок величиной с подкову

Кому не льстит, когда его хвалят. И, разумеется, Геннадий Цветков гордился тем, что ему нет-нет да и мелькнет в заводской многосторонке. Геннадий прыны на покважах, хотя он не признается в этом даже себе, что самолюбие было бы задето, если бы вдруг перестало заниматься в цехе, что у Генки Цветкова руки золотые.

Затем и бережет Геннадий как зеницу ока свой инструмент. Аккуратно раскладывает, по-особенному, с секретом заточенные метчики в тумбочку. И хотят бросают на его тумбочку ребята, косые взгляды, Геннадий не обращает на это внимания: пускай себе забывают. Только один человек заставляет его порой потупиться. Это мастер Зарубин. Когда Геннадий кончает смену, подходит мастер и глянет, какими инструментами на тумбочку заменены винтовые подковы.

— Ну и замок! — замерает мастер. — Недоброс это дело. Сейф куда проще — целик-нужд ключком и готов...

Генка смотрит и не поймёт: то ли надеяется над ним Зарубин, то ли просто так шутит. «И что он ко мне пристал! Ну и вредный же мужик», — досадует Геннадий. — Другие ведь тоже замки вешают. Один я, что ли?

На собрании Сергей Яковлевич говорит ребятам:

— Брака в цехе много. Вот если бы у всех был такой инструмент, как у Геннадия Цветкова. Милое дело!

А после смены онти стоит и, чуть склонив голову набок, внимательно смотрит, как Геня прачеч инструмент в тумбочку. «Смотри ты на здоровье...» — насмешливо думает Цветков. И даже начинает потихоньку наставляться. Но где-то в глубине души у него поселяется тревожное чувство. Впрочем, Геннадий не льстится в нем разобраться, ибо не умеет читать в чужом взгляде.

Следующим за тем собранием порадовал Геннадий, как гром. Погоды одинок с ключом к своей тумбочке, он видит, что дверца открыта и замок валяется рядом. Геннадий бросается, пересчитывает метчики. Все на месте, но он возмущенно кричит:

— Безобразие! Где такой закон, чтобы замки чужие ломать?!

На шум приходит Зарубин.

— Ну и ну! — скрупульно качает он головой. — Не иначе ребята постарались. Но соседи-разбойники! Да и ты не отгораживай. На соседнем участке все самые замки похищали.

— Кто это? — машинально спрашивает Геннадий.

— Жена твоя, Веря, — говорит Зарубин, и у глаз его собираются насмешливые лучи-морщинки.

Цветков ничего не отвечает.

...Если бы в цехе был музей старья, Генинайд сдал бы тут алюминиевый замок. Теперь он им не дорожит.

Письмо, прочитанное дважды

В цеховом комитет пришло письмо. Жена разметчика Виктора Хрипунова жаловалась на своего мужа: пьёт, грубит. Вызвали Виктора. Тот сидит и только головой качает:

— Ну и народ же эти женщины! Нет, вы поспешили...

Члены комитета сочувственно поддакивают ему. Виктора знают давно: передовик, хороший общественник.

И все поверили Виктору. А мастер Зарубин не поверил. Пришел к председателю цехомкома, попросил письмо.

— Ты же его видел.

— Еще раз хочу посмотреть, — сказал Зарубин. Но читать письмо не стал. Аккуратно свернул и положил в карман. У Виктора спросили:

— Где живешь-то?

— На Фонтанке. — Виктор помялся, назвал адрес.

Выдялся у Зарубина свободный день, и он поехал домой к Хрипунову. Но Фонтанка обещал — нет такой квартиры.

Утром пришел на завод. Ругаться не стал, только сказал Виктору:

— Что же ты, дружок, меня, старика, обманываешь. Но Фонтанка заставила бегать?

Виктор покраснел, опустил глаза.

— Я думал, вам просто так, Сергей Яковлевич. Думал, вы не поедете. Зачем вам в это дело влезть?

— А затем, что непонятна мне что-то вся эта история...

Для через два Зарубин всплыл в отделе кадров адрес Хрипунова. Поехал снова. На этот раз уже по точному адресу, к Лесной академии. Встречает Зарубина женщина. В ватнике, худенькая. Оказывается, это и есть жена Виктора.

Поздней бродят они вдвоем по парку, разговаривают. Потом приходит с работы Виктор. На этот раз они ходят по парку уже втроем. По правую руку от Зарубина — он, по левую — она.

Зарубин уходит от них поздно. С порога возвращается и молча кладет на стол письмо.

...Нагурто приносил по цеху Виктора передвиги на другой участок — рядом с Зарубиным.

— Это как же понимать? — засуетился Виктор.

Зарубин сказал:

— Ты думал, что будешь ты у меня теперь на глазах. Я же тебе дружок-забудь своих знаю. Не такие тебе друзья нужны... Помолчай и добавь: — Домой твой вместе будем ходить. Ясно?

И они стали ходить вместе, хотя Сергею Яковлевичу это совсем не по пути.

* * *

Бывает, все говорят о человеке хорошие. А попросите рассказать о каком-нибудь из добром деле — и люди смущаются, не могут ничего припомнить. Выйти со всеми вежливы, но не вспомнить. Их не вспомнят.

Следующим за тем собранием порадовал Геннадий, как гром. Погоды одинок с ключом к своей тумбочке, он видит, что дверца открыта и замок валяется рядом. Геннадий бросается, пересчитывает метчики. Все на месте, но он возмущенно кричит:

— Безобразие! Где такой закон, чтобы замки чужие ломать?!

Кирзовский завод.

ЗА ПЕВАЛЫ

КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СССР

СТАЛИНГРАДСКИЙ ТЯЖЕЛЫЙ ЗАВОД ИМЕНИ Ф. Э. ДЕРЖИНСКОГО

А. УШАКОВ,

секретарь парткома
Сталинградского тракторного завода
имени Ф. Э. Дзержинского

Е

сли выйти на площадь перед заводскими воротами и присмотреться к людям, которые, словно ручейки, стекаются к проходной, то невольно бросится в глаза, что среди спешащих на смену рабочих множество молодых лиц. Да, молодежи на нашем предприятии трудится очень много. И трудится она замечательно! Какие бы сложные и большие задания ни поручали нашему тружеды орденоносному коллективу, всегда первыми за них берутся юноши и девушки с комсомольскими значками на груди. Комсомольцы и активные помощники нашей патриотической организации и некоторых их начальников и инженеров этих мест ходят сегодня рассказывать.

Со следующего — в пять лет! Этот лозунг стал ведущим во всей работе комсомольской организации завода. Над тем, как быстрее и лучше достичь поставленной цели, думают рабочие и технологии, мастера и инженеры. Само собой понятно, что сделать это можно только на базе новой техники путем механизации и автоматизации трудоемких процессов.

Позади более двух лет назад наши комсомольцы начали вести активную борьбу за технический прогресс, за андеренение в производстве передовой технологии. Во всех цехах созданы группы, руководят этой работой. Но иннициатором ее стала сама рабочая масса. Вымпелы, личные награды удачников похода за технический прогресс, установленные почти молодых передовиков, витрины лучших молодых рабочих. Настойчивая борьба молодежи за технический прогресс дала уже замечательные результаты: за прошедшие два года на заводе внедрило около двух тысяч организационно-технических мероприятий, над которыми шефствовали комсомольцы. Это сэкономило (в новых ценах) свыше 1,6 миллиона рублей!

Но комсомольцы не успокоились. По их инициативе на заводе стали создаваться самодельные конструкторские бюро, работающие на общественных началах. Сейчас у нас работает уже 32 такие ОКБ, и они плодотворно трудятся более тысячи рабочих, инженеров и техников.

Вот несколько примеров их работы. В автомобильно-серийном цехе долгое время не могли наладить работу стапка, на котором шлифовали разрезной сухарик для тракторов. Стапок не было. Идея Борисова предложила оригинальное усовершенствование, позволившее устранить частые поломки. Но выполнить необходимые расчеты и чертежи он не смог. Тогда ему на помощь пришел член ОКБ цеха технолого Константин Сорокин. В ходе работы потребовалось произвести расстановку одной детали сложной конфигурации. По просьбе ОКБ один из лучших расточников завода, П. А. Самсонов, во вчерашнее время выполнил эту работу. В итоге через месяц стапок был модернизирован и стал работать без перебоев, причем его производительность увеличилась в два раза, резко сократился расход шлифовальных камней.

А слесари-модельщики сталефасонного цеха П. Бугоренко с помощью творящей по ОКБ изменяли конструкцию литниковых систем трая, что позволило сбрасывать на каждом тракторе около пятнадцати килограммов мастики. В год это новшество позволило сбрасывать около сорока тысяч рублей!

Но не только этими подарками встречает молодежь нашего завода приближающийся XXII съезд КПСС. Горячо и оживленно обсуждая проект новой народной партийной программы, программы построения коммунизма, рабочие все активнее принимают участие в движении за коммунистический труд. В наших рядах уже насчитывается более тысячи ударников и членов бригад коммунистического труда. За почетное право номинироваться предприятием коммунистического труда борется весь коллектив завода. Каждый стремится внести свою лепту.

Многие ударники коммунистического труда заняты шефствием над молодыми рабочими, борющимися за почетное звание. И помощь эта — постоянна, комсомольская. Взять хотя бы Валю Брецову. Она работает слесарем-ремонтницей в автомобильно-серийном цехе. Валя — передовая производственница, ежедневно перевыполняет сменные задания, продукция у нее только отличного качества. Валя учится, ведет большую общественную работу: она — депутат Сталинградского горсовета. Валя — ударник коммунистического труда. А теперь она помогает завоевать это звание своей сменщице — Нине Кудиновой. То же самое можно сказать о Зине Москаленко, которая шефствует над Рэй Лидовской и Клавдия Богатыревой. И о многих, многих других.

Про наших комсомольцев нередко говорят: настоящие хозяева. Это не просто слова. Гаечный, по-хозайски учится работать наша заводская комсомолия. До всего ей дело, везде проникает ее зоркий, многоязычный глаз.

БОЛЬШИХ ДЕЛ

Начали мы поход против брака — комсомольцы в каждом цехе уже проводят рейды, выявляют специальные «континенты брака», которые доставляют немалые неприятности рабочим.

Было на заводе трудно с металлом — заработали «комсомольские рудники», благодаря которым в прошлом году тысячи тракторов были изготовлены из сэкономленного металла.

Разворачивается движение за сокращение затрат вспомогательного труда, за централизацию и специализацию вспомогательного производства. Завод комсомола — совместно с другими организациями — объявляет конкурс на лучшее рационализаторское предложение, связанное с сокращением затрат на вспомогательное производство. И первые успехи налицо. В течение нескольких месяцев по заводу ликвидировано ряд профессий. В двенадцати цехах отменены табельные, направлены на производственные участки 126 участников, 84 контролера, 114 уборщиков.

В 1960 году на нашем заводе побывал Никита Сергеевич Хрущев. Он обратил особое внимание руководству завода на необходимость ликвидировать группу труда, разрывавшую производственный процесс.

— Страна коммунизм,— говорил Никита Сергеевич, — поэтому и культура производства должна быть коммунистической!

Комсомольцы завода горячо отклинулись на слова Никиты Сергеевича. Они начали борьбу за создание цехов коммунистической культуры производства. Запевалой тут стала молодежь прессового цеха. И цех этот прямо-таки меняется на глазах. На общественных началах здесь были созданы бирю по сварке и техническому прогрессу, которые реконструировали свыше 230 штампов. По предложению комсомольцев в цехе переставлены несколько групп стакнов — и сократились неизбежные перевозки деталей. Бригада во главе с комсомольцем Поляковым была награждена почетным советом. Киевский институт электросварки имени Патона. Ныне более 100 комсомольцев проводят все сварочные работы здесь выполняются автомобилисты и логисты.

Если вы пройдете сейчас по цехам нашего завода, поговорите с рабочими, то почувствуете, что все думы и замыслы коллектива направлены к одному — достойно, по-коммунистически встретить XXII съезд КПСС. Одно из основных обязательств коллектива СТЗ — подготовка к 17 октября производства на выпуск новых мощных скоростных гусеничных тракторов ДТ-75. Этую машину с нетерпением ждут труженики полей, строители, дорожники. Подсчитано, что применение ДТ-75 позволит увеличить производительность труда примерно на

25—30 процентов по сравнению с ныне выпускаемыми дизельными тракторами. А ведь это так нужно нашей стране, строящей коммунизм!

С конвейера сейчас еще сходят машины старой модели, а в инструментальном цехе приступили к сборке и испытанию новой трубы. Здесь «хроидается» новый трактор. Идет горячая борьба за изготовление оснастки, штампов, моделей и инструмента для ДТ-75.

Выпуск первой тысячи новых тракторов комсомольцы завода обвязали своим кровным делом. Комсомольские контрольные посты, районы, бригады «легкой кавалерии», «молния» и сатирические плашки способствуют тому, чтобы эта задача была решена. Все силы, всю энергию молодежи отдает сейчас тому, чтобы помочь заводу в кратчайшие сроки надладить выпуск нового трактора. Ведь это главный подарок народу завода XXII съезду родной партии.

Но кроме того, каждый комсомолец, каждый молодой рабочий стремится встретить этот знаменательный день личным достижениями в труде. Ударники и члены бригад коммунистического труда поставили перед собой задачу: добиться, чтобы к съезду в цехах не было ни одного отходящего места.

Коллективы цветотделитного и прессового цехов к XXII съезду рабочих добились звания цехов коммунистического труда. В цехе гиросистемы передают к работе без контроллеров, ученых и наладчиков. Бригада коммунистического труда ставлотов Курялевича, Головко, Кобиева дадут по 600 тонн сверхплановой стали, а бригады кузнецов Брызгунова, Захарова, Елагина, Шиповского уверены, что выполнят годовое задание к 17 октября.

Такие примеры подлинно трудового героизма можно пройти без конца. Воодушевленные грандиозными и величественными перспективами, которые открываются со страниц проекта Программы Коммунистической партии Советского Союза, рабочие и работницы, комсомольцы и молодежь Сталинградского тракторного стремятся как можно лучше трудиться, чтобы быстрее построить светлое здание коммунистического общества.

...В первомайском поселке сходят тракторы с конвейера нашего завода. Тракторы этого дня — гордость страны. Тракторы с маркой «СТЗ» можно встретить сейчас всюду в Целинном крае и на Украине, в южных районах страны и на Крайнем Севере. Мы горды тем, что наши тракторы получают одобрительную оценку хлеборобов, что они значительно облегчают работу труженикам села.

СМЕНА
для
пОДЛАДЧИКОВ
ЧЕЛЮСТИЩАНИЯ

Через два месяца из ворот сборочного цеха СТЗ выйдет первый серийный трактор ДТ-75 — любимое детище завода.

Dochinou!

Т. ИЛАТОВСКАЯ

БИТВА В ЦЕХАХ

В это июньское утро Саша Байдин проснулся раньше обычного. Быстро позавтракав, он вышел на улицу и вышел на залипую солнцем улицу. Он старался идти неторопливо, останавливаясь, чтобы погладить свою газель (фото справа вверху). Но ноги, помимо воли, несли его к заводской проходной. Саша придерживал обеими руками сумки свое рабочее место, распросил сменщика, не было ли подсобки с собой. Помощник Сашин, напарник — Леонид Петеруха, поздравился.

— А ты?

— Волнуешь... — признался Леонид.

Гудок прервал беседу. Саша и Леонид быстро устали на привычное место у газели, сняли сумки и приступили к сборке первого в этот день заднего моста трактора. На машине они сидели, как обычно возвращались и вчерашнему разговору с Виктором Гавриловичем, секретарем цехома комсомола.

Задний мост в обединенном первом на соревнованиях среди обусов, достойны ли вы звания ударника комтруда...

Медленно пульсировали конвейер, движущий Сашу Байдина: точны и расчетливы. Ни одного лишнего (фото справа в центре). Ни-нет-нет-нет! до звонка в колокольчик, поданный по соседству кабинетчики: сегодня они долини будут сказать свое слово, оценят, какую роль они для этого сыграли.

И вот он стоит в кругу рабочих, и, взъевшись, раскрасневшийся, сунул руку в карман.

— Третий год я работал с Байдиным, — говорит Виктор Ко-лесников. — Он всегда хотел сказать, профессии сбирника обучил. Правда, догнать его мне пока не удалось, но я стараюсь. И не зря. Прямо загляденье. Ну, а когда меня группомсгором выбрали, он мне сказал: «Ну, я тебе помешаю».

— А как с ушебой у тебя, Саша? — спрашивает заместитель председателя комсомола профессор Анна Матвеевская.

— Перешиел в девятый класс, — отвечает Саша.

Но тут имешается Виктор Ельцов:

— Саша, я тебе говорю, я только перешел в девятый, а с благодарностью директора за хорошую учебу. Вообще Саша — рабочий, который дарит много портниши — никогда не откажется. И я смеялся, знав, что его полный портниши.

Его дополняет коммунист Борис Платоновский Никоноров:

— Могу сказать, Сашин стоит на конвейере, как начальник смены, вполне уверен: брака не

будет. Мне кажется, что Байдин имеет право носить звание ударника коммунистического труда. Добавлю, что вчера я ему предложил место для вступления в партию:

— Как, товарищи, достом! Байдин — член партии? — спрашивает Виктор Гавриков.

Лес поднятых руки был единогласен.

(Фото слева внизу.) Три единогласия прозвучали разбоевые и за Леонида Петеруху,

затем, когда Саша извращалась дрожащей рукой в нетерпением

встретила иена:

— Ну, что же...

— Не в порядке.

— Поздравляю! Это и для меня

большая радость... (Фото внизу).

Байдин, Миша Байдин, — не сомневайтесь, что он не заслуживает звания ударника коммунистического труда. Добавлю, что вчера я ему предложил место для вступления в партию:

— Как, товарищи, достом!

Байдин — член партии?

Лес поднятых руки был единогласен.

(Фото слева внизу.) Три единогласия прозвучали разбоевые

и за Леонида Петеруху,

затем, когда Саша извращалась дрожающей рукой в нетерпением

встретила иена:

— Ну, что же...

— Не в порядке.

— Поздравляю! Это и для меня

большая радость... (Фото внизу).

мне позволялось все: гулять по территории, конкретно срезать уголки и даже топтать тряпинки газона. Саша, деревенский, будь это возможно, взял бы его к себе в кабинет и поил бы чаем с лимоном. Завод ласкал свое четвертое, появившееся после 12-летнего перерыва детище — могучий, скоростной «ДТ-75». А новорожденный богатырь, то склоняя жуя траками перегрыз асфальт, умея томиться по россыпи пространства, дурманя землю, засыпая землю, вспахивая землю. Здесь, на заводском дворе, ему было неутомно и тесно.

Сталинградский тракторный при- вык делать историю нашей сельскохозяйственной индустрии. А когда делается история, посторонним не может быть. Опалила трезвое воображение, в цехах взвивалась сильная, сильнейшая, беспечительная и хлесткая одушевленность. Новая машина рождалась в большой радости к большим мукам, люди священнодействовали, творили чудеса. Посторонних не могло быть.

В газели, шедшем на опытное поле, где испытывался «ДТ-75», кроме меня, сидел еще молодой человек с висячими глазами, волнистыми и ржавчными волосами. Он назывался Юрий Устинов, с техническими темами в глазах отчитывался главный инженер. Он говорил о том, что напряжение в цехах предельное. Люди уставают: не так это просто — переходить, не тратя производительности, на новую марку. И если заводу действительно удастся, не срывая плана по «ДТ-54», параллельно преключиться на выпуск новой машины, то будет беспрецедентный случай в тракторостроении.

Потом он просил записать, что нужно заводу от совнархоза и Госплана.

Залетин слышал все, как сквозь сон три последние ночи он фактически провел под чертежами. Ломило спину, затылок, руки. Целый год, его группа работала по часам, да вынужденно краудил. И вдруг Вениамин почувствовал,

чек — руками вот так можно взять. А вот оказался гордивузел...

День в дороге было решительно нового, и мой спутник разговорился...

Вениамин Залетин стремительно шагал по чистенькому, хрестому снежку. Примораживало. В накренившийся ковы Большой Медведицкий бесцущино стекало черное, как баварское пиво, небо. Воздух пах антоновкой. Но Залетин не знал, что снега нет.

Он все боялся, будто от этого себя, от мыслей, острмы шипялками вытащивших в мозг. На ум приходили убедительные и хлесткие слова, которые он должен был сказать как назад и не сказал. И сейчас снова и снова его захлестывало беспомощное и острое чувство обиды.

Человеками не удивлялись, получив приглашение на балконы райкома партии: заплывали первые, опытные «ДТ-75», на заводе было тревожно, требовались какие-то срочные меры. В кабинете секретаря райкома собралось много людей. Большинство курило, не смотря на заблаговременную договоренность, не курить. Предметы касались, как аварию с поездом на горе Усть-Катав, с техническими темами в глазах отчитывался главный инженер. Он говорил о том, что напряжение в цехах предельное. Люди уставают: не так это просто — переходить, не тратя производительности, на новую марку. И если заводу действительно удастся, не срывая плана по «ДТ-54», параллельно преключиться на выпуск новой машины, то будет беспрецедентный случай в тракторостроении.

Потом он просил записать, что нужно заводу от совнархоза и Госплана.

Залетин слышал все, как сквозь сон три последние ночи он фактически провел под чертежами. Ломило спину, затылок, руки. Целый год, его группа работала по часам, да вынужденно краудил. И вдруг Вениамин почувствовал,

что все полуобернулись и ждут чего-то именно от него.

— Пусть теперь товарищ Залетин объяснит, почему...

Секретарь райкома хмурился и смотрел ему прямо в лицо. — Ты, конечно, мог бы вспомнить свою секретаря, но получилось так, будто это он, Залетин, срывает своеименным выпуск нового трактора и должен объяснить товарищам, почему он так поступает. Это было неожиданностью для всех: спрашивали не главного конструктора, не начальника бирю, а молодежного паренька с притухшими глазами. Вениамин поднялся. Что сказать? Что они работают, как одержимые, что впервые девятнадцатилетний парень-испытатель, что это очень сложная проблема, и черт знает, почему горят подшипники! Но ведь здесь собирались не школьники. Они прекрасно все это понимают... И Вениамин захлестнула обида.

— Решения не нашли... Идеи нет,—вздохнул он и сел.

На него смотрели с осуждением. К тому же это была не правда. Решение уже нащупывалось, оно витало в голове, расплывалось, словно дождик, боясь будущего поглощения речью.

Обида не проходила, мысли пустились в Вениамин изумился, обнаружил, что стоит в проходной и вахтер прищурился и сочувственно проверяет его вечернюю пропуск.

— Опять полуночничать идет?

Он не ответил и, одним махом взлетев на четвертый этаж, вошел в конструкторское бюро. За столом, находившимся, склонил его помощник Валерий Соболев и делал, очевидно, двадцатое задание вместо пятидесяти первого. И только что звонил макаринский институт при заводе, и темой его дипломной работы был заплодотворенный усилитель. Залетин покрасился, оправившись в оригинальное мышление студента. Сначала он охотно его консультировал, а после окончания института взял к себе в группу.

— В моторную лабораторию звонил?

— Угу... Крутился наш усилитель на стенде... Почти не перевеяревал.

— Почти!

Не снимая шапки, Вениамин опустился на стул и, уронив подбородок на грудь, начал сдергивать, изображавший разрыв узла. Отступив от первоначального волнения, он не узнавал ни одной линии. Глаз задержался на подстерой окружности.

— Это ты сам селателя винз переносишь?

— Я и Лариса Денисова... Поминчи, мы еще с техногологов об этом говорили...

— Ось винз — подшипники дойдят, — все еще равнодушно сказал Вениамин.

— ...подшипники дойдят — почти испуганно раздвинул Валерий.

— ...борцы раздвинуты — и никакого не будет перегрева! Езжай хоть на Эльбрус!

Залетин поднялся и еще раз взглянул на чертеж, надеясь вид, что не замечает выхмынительно-торжественного лица Валерия, который никак не мог понять, почему же Вениамин не кричит от восторга: ведь решение, над которым они столько бились, наконец найдено. «Ерунда каковая! — подавляя радость

стное возбуждение, думал про себя Вениамин. — Как в плохом романе: после разносного собрания герой одумался, учел критику... открыл! А может, просто надо было вот так посмотреть на все построение машины. Решение было в голове...»

С завода Вениамин вышел один. Валерий умчался раньше, почувствовал, что расспросы не времени, и когда будет нужно. Залетин сам все расскажет. К тому же его распирало желание крикнуть первому встречному: «Нашли!»

Морозило уже здорово. Небо в медвежьем ковше поддернулось крепким ледком. От танка, что ревет въезд на заводской площади, отделилась маленькая фигурка и побежала к нему. Поклонилась, выступила из рук кончиком пальца.

— Нина?

Она по-детски ткнула ее носом в его руки.

— Да здравствует!

Залетин почувствовал, как к нему возвращается радость.

— Сережку спать уложила и побежала. В райком сказали, что все кончились... Я и пришла, куда ж ты еще денешься?

В темноте молочно белое ее подплыло к сердцу, и сердце, покровительствующее любви, вспыхнуло. Он и вдруг с удивительной остротой ощущения, что необходим, как дорог ему в жизни этот ласковый, все понимающий человек, вот уже шесть лет делящий с ним все-самое, самых мелочей. И ему стало жаль, что жизнь лишает порой вот такого счастья.

Выслушав его сбивчивый рассказ, Нина спокойно сказала:

— Это хорошо, Веник, что спросили с тебя... значит, верят. А насчет нового рабочего места — я тебе обещала помочь с поисками. Тогда возвращайся в заводу.

Нина работала в цехе опытного производства, и частенько чертежи Вениамин попадали именно к ней.

У нас в стране как-то сразу повеселось, что невероятной трудности дела доверяются молодым. Очевидно, преобразование целой эпохи требует не только опыта, но самого большого, что есть в человеке — вдохновения, увеличивающегося, таланта. А в этом никак не откажешь молодежи. Смотриши, обычный парнишка с задорным чубом и юношеской жизнерадостностью, вдруг становится чемпионом в харизме. А завтра выступает в Кремле и критикует Госплан или изобретает ракету невероятной экономичности. Признание и большая ответственность приходят иногда с поразительной быстрой, так что человек не успевает к ним привыкнуть.

Что-то подобное произошло и с Вениамином Залетиным, руководителем группы конструкторов на огромном заводе. Залетин получили сложные задачи, от которых несло сиропом настолько конструктором. Но когда в одну же в сельском хореяще наступали новые времена, Разве мог уграться «ДТ-54» за размахом целинных пашен, когда борозды, разрастаясь на глазах, теряются в стенных горизонтах! Вениамин с нежностью думал о будущем тракторе, которому бурят под силу исполненные простоты Казахстана, Сибири, Алтая.

Работы в бирю было очевидно много: разные переделки, модернизации отдельных деталей, узлов. Но Вениамин юношеской широтой мыслимостью считал эту работу гордостью не потерять времени. Он с гордостью говорил об этом конструктором, работающим вместе с ним. Одни его не понимали, другие тоже были несклонны на душе: десятый год с конвейера шел «ДТ-54», неплохой, работящий, но все-таки морально постаревший трактор.

Зимой пятьдесят девятого года главный конструктор вызвал Залетина. По лицам окружающих Вениамин понял: вот то ли... Главный конструктор задумчиво потрогал какие-то бумаги, аккуратной стопочкой лежавшие на столе:

бушко-то сам в руки не пойдет: вот же ноги машиной поработать надо. Веня сначала хотел сбежать на Волгу и стать штурманом, но потом его захватила лихорадка изобретателя: вспомнили и давшего хлама всасние нужные штуки и, окончив пятн классов, запrosили учиться дальше, в город. Мать плакала и не пускала: «Ничего! парнишка самостоятельный, дальний. Пусть едет — будет толя».

К счастью, отремонтила Сталинградская битва, и немца, что называется, «поплыли» с Волги. Молодой тракторист из Бирюского полка отпустился в город. Ненасытная жажда учиться пересекла тоску по дому: после десятилетки Тени отправился поступать в Горьковский политехнический институт на факультет тракторостроения. И тут второй раз судьба столкнула его с Талинградом. Вениамин с блеском отвечал на все вопросы экзамена, и тот, уже потянувшись за зачетной ведомостью, спросил напоследок:

— Ну, а что вы думаете о новом машины Сталинградского тракторного?

Вениамин поклонился. Он знал, что в эти самые дни на СТЗ, в гаражах, в сугробах конвойера, появился на свет новый трактор «ДТ-54», но ознакомиться с ним подробнее было просто некогда.

— Отличная машина! — чувствуя, что все пропало, ответил он — Деятельная мощность...

— Вот именной! — Экзаменатор поднял очки на лоб. — Пятьдесят четыре поездки на пять с половиной тонн железа, батенька мой! Помни, когда ставили СТЗ-НАТИ...

До войны этот преподаватель работал на СТЗ, и как всегда, в течение работы, у него не было времени забыть. Поговори об СТЗ-НАТИ, они расстались, очень довольные друг другом. А ровно через пять лет Вениамин Залетин получил диплом с отличием и направление на Сталинградский тракторный завод.

«ДТ-54» он так и не полюбил: уже тогда, шесть лет назад, недостатки этой машины казались ему слишком очевидными. Учимая мячом с совсем другом — легким, быстрымходом, — тракторист, когда же в сельском хореяще наступали новые времена, Разве мог уграться «ДТ-54» за размахом целинных пашен, когда борозды, разрастаясь на глазах, теряются в стенных горизонтах!

Вениамин с нежностью думал о будущем тракторе, которому бурят под силу исполненные простоты Казахстана, Сибири, Алтая. Работы в бирю было очевидно много:

разные переделки, модернизации отдельных деталей, узлов. Но Вениамин юношеской широтой мыслимостью считал эту работу гордостью не потерять времени. Он с гордостью говорил об этом конструктором, работающим вместе с ним. Одни его не понимали, другие тоже были несклонны на душе: десятый год с конвейера шел «ДТ-54», неплохой, работящий, но все-таки морально постаревший трактор.

Зимой пятьдесят девятого года главный конструктор вызвал Залетина. По лицам окружающих Вениамин понял: вот то ли... Главный конструктор задумчиво потрогал какие-то бумаги, аккуратной стопочкой лежавшие на столе:

— Так вот, Вениамин Васильевич, из Государственного научно-технического комитета прислали в твою группу трактора «ДТ-54» при том же весе и почти в два раза быстрееходнее. Вот тут есть точные данные... Словом, хорошая, современная машина, по которой мы все соскучились... На минуту он остановился, будто подбирал слова. — Комсомол рекомендовал вас в партию. Вот вам прекрасная возможность показать, чему вы научились в комсомоле. Вам поручается очень сложное и ответственное дело — преобразование тракторного момента.

Все эти годы Вениамин жаждал творчества, научительно не жалел сядься за «перепишу старья». Мента исполнился: ему дали на разработку ответственнейший узел, которого еще не было ни на одном нашем тракторе. Задача была ясна: трактор не должен тягать при встрече с препятствием ни скорости, ни времени.

Залетин окунулся в работу с головой. Он часто уходил в себя, стал неразговорчивым и, как будто вспомнил о чем-то, вдруг бывал только за «трактор». Замечая, как он оснулся, называли: «Глушьки был, конечно, прав — «вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии» — но нельзя же неделями лежать на стены!»

Первый вернант усилился было сделан довольно быстро. Его отправили на проверку в моторную лабораторию. Но Вениамин уже знал, что это урод от рождения: узел был непомерно громоздок. Растильников, подставив под него новую решетку, и когда Залетин уже официально сообщили о недостатках первого варианта, был готов второй. Новый усиленный поставил на трактор и отправили его на испытание. Прошло сто, двести, восемьсот часов. Все было в порядке — с опытного поля поступали хорошие отзысы. Однако ни Залетин, ни инженер-экспериментатор Веденский не разделяли общой радости. Трактор еще работал в поле, а они уже сидели в кабине, смотрели на часы, настенное стекло, устремленное вперед...

Усиленный спадал как-то загадочный недугом, вызываемый высокую температурой, от которой раны и поздно должны были сгореть подшипники. Через тысячу часов работы с опытного поля сообщили: усиленный согрел...

Вениамин знал, что творилось в цехах завода: уже готовы была уютная хата с округлым передним стеклом, опускающимися, как в автомобиле, боковыми стеклами и вентилятором; уже бесплательно работала коробка скоростей...

А его группа, наконец, было начинена все существо без преобразования трактор был как беспомощный калека.

Диагноз вскоре удалось установить. В цилиндрическом теле вордина вращаются три зубчатые колеса-сателлиты, это они своей зубчатой передачей автоматически регулируют скорость при преодолении препятствия. Так вот, на больших скоростях зубчатое колесо начинало ерзать и теряться об опору в цилиндре.

И снова поплыли в опытный цех моторную лабораторию.

Пусть думает, что ее не очень-то огорчают его неудачи.

В эти напряженные дни Залетина и вызывали на бюро райкома, чтобы отчитаться за срыв задания. И, как рассказано выше, в это же время было найдено удачное решение узла. Услытке, сконструированный группой Залетина и словами одесских инженеров-исследователей, позволял коэффициент полного извлечения «ДТ-75» на 10—15 процентов по сравнению с существующими моделями!

«После поездки на опытные поле мы встретились с Залетиным, как старые знакомые.

— Чувствуете, как у нас на земле жарко?

— Да, во всем отношении...

Вениамин, входивший в контрольную комиссию по подготовке «ДТ-75», нужно было о чём-то спросить. И он спросил: «Что, погнали вместе? Из дверей цеха доносились высокий, взволнованный голос. Тонкий, энергичный парень с усталым, хитроватым лицом, сбрыннув затылок кепку, наступал на мастера:

— А я говорю: должна быть хорошая древесина — и точка! — И точка! Не будет — к главному,

к директору... Мне же ничего не страшно, как я есть в дрости... А работу срывают никому не дозволено!

Мастер закруглил голову и направился к начальнику цеха.

— И точка! — грозно сказал парень и уже тихо поклонился: — Да, истерик можно дойти... А «ДТ-75» будет к сроку, за моделью не будем отставать.

Настоящим модернизатором оказался Анатолий Рыкалевин, пропагандистским сектором комсомольского цеха. Я попросила его рассказать, как борются комсомольцы за новый трактор. Но как раз в это мгновение в цех вошел невысокий блондин в черном халате. Он поиском кого-то глазами и направился прямо к Анатолию.

— Рыкалевин?

— Верно, кивнул Анатолий, как бы приглашая и нас участвовать в весьма интересной сцене.

— Сто двадцать заказов положено, а вы литещикам сколько дали, пятьдесят? — вкрадчивым шепотом осведомился блондин. И, сплюхнувшись, представился: — Владимир Виданов, из цеха при-

способлений... Из-за литещиков простреливаю. Вы же же, хотите выпуск нового трактора сорвать?

— У меня видал, сколько рук — дает! А тут нужно дать, как у индийского бога. Понял! И древесина — дрань...

Складочка у губ «производственного сектора» страдальчески дрогнула.

— Ладно, что там.. Придишь, скажешь, когда складчики будут готовы. А будешь?

— Будут подумать, — сказал Анатолий и переглянулся с подошедшими ребятами: — По три смены отработаем. За модернизаторами не станте...

За модернизаторами не станет, за литещиками не станте, но не станте за кузнецами и сталеварами. Скрученная из мускулов и нервов, протянувшись по цехам цепочка комсомольского контроля, — комитета, комитета, комитета, — пронесется, передаваясь от человека к человеку, трепет творчества, готовность во что бы то ни стало выполнить свой долг. Вот с таким же упорством штурмовал обильевшие каркасы комсомол «Сталлинградстрофа» в 30-х годах, с той же отчаянной решимостью

стояла настырь в цехах СТЗ комсомол 40-х; так же, не сантава со временем, осенявал «ДТ-54» комсомол 50-х годов.

От модельщиков мы отправились в опытный цех. И Залетины, встретившись, сразу заговорили на полуопытном языке.

— Как новая схема? Здорово? — спросил Вениамин Ниин.

— Конечно, лучше, чем было. И до каких пор можно шинировать?

— Из Одессы эвакуированы полторы тысячи чеков — безэвакуации. Понимаешь, безэвакуации.

— Тогда скажи, сколько сегодня в твоем цехе?

Стояла едкая жара, со всех грамом катился пот.

Над заводом, плавно покачиваясь по ветру, пламенела лента лозунга «Завершилось годовое задание в октябре — ноябрь месяце и дальше в четвертом квартале ты сможешь наблюдать за «ДТ-54». Дорогой товар, брошенный историком тракторостроения, плыл в раскаленном воздухе. В цехах СТЗ разгоралась новая сталинградская битва, и все знали, что она, как и все предыдущие битвы в Сталинграде, обязательной будет победоносной.

ПО ЗАЩИТЕ ОЧЕРНЯЮЩИХ

РАСТУТ НАШИ РЯДЫ

Я думаю, сборщик Гена Ковылин никогда не забудет этого дела в Муроме обороны Стальнграда. Где хранится реликвии, связанные с легендарной историей города и бесмертными подвигами его защитников. Здесь Ковылин вручил комсомольский билет. Ветеран нашего завода коммунист Савелий Недорогов, Карагодин, прошедший с боем танкистом подразделением по Стальнграду до Вены, сказав, прятывая Гена билет:

— Знаем, что у тебя над головой врагом было сдано нашу заводскую звезду, — неизвестно — за танки, которыми мы сбрасывали фронт... Это следы от пуль...

У юноши из Стальнградского транспортного — герояческой истории. И нацидый понимает, какая это честь — быть в его рядах.

И вот Гена Ковылина в союз Валю Петрову. Она мать двух детей. До этого жила без комсомола: то времена не хватало, чтоб ходить в комитет, то ее порох мыслить, те... считала, что обойдется и так. Но не выдержала сама пришла в комитет.

Ненадолго, говорят, стояла в столовой, сидела, смеялась быть на «быстрошине». Да, на счету у нашей комсомолки много интересных, волнующих моментов, но больших нет. И когда говорят, что наши комсомольцы — активные участники

всего нового, что свершается на заводе, это не преувеличение.

Начинали, монтировали в стальфасонном цехе первый автомата. Дело подвигалось тугу. Тогда Гена — прямая комсомолка — погнала пневматическую помпу, замелькали в цехе «молнии», появились промежуточные части. И дело пошло, автоматическая линия сдана досрочно.

Как-то на заводе стало не хватать металла. Комсомолка Бровкина, чтобы не поминать имени, взвесила все — во всем! К концу года в «номосомольских рудниках» было добыто без малого 400 тонн металлоизделий!

Много привлекательных многоярких цифр, интересных фактов. Можно сказать много хороших слов о наших гурьстических силах, о побежденном враге, о СТЗ, о римумах заводской самодельности и о том, что две тысячи парней и девчат ушли без малого из рабочих рядов. Но показать, заинтересовать всеего говорит о деятельности заводского комсомола — короткая строчка на последней странице в номере на СТЗ упомянута за последние время более член в два раза.

Е. ЧЕРНИЦА,
секретарь заведующего комитета ВЛКСМ

В

от уже больше месяца прошло с момента нашей последней встречи. Я много думал над историей, случившейся с тобой, Виктор, японцами наши беседы, разговоры с твоими товарищами по цеху и все больше убеждался, что ты не до конца понял свою ошибку и все еще сильно обижен на товарищей, которые, как ты считаешь, несправедливо поступали с тобой. Мне же кажется, что если и стоит на кого-нибудь обижаться, то в первую очередь на самом себе, на своей собственной храбрости.

...Четыре года назад в отделе энергетика тракторного цеха появился новый рабочий.

— Виктор Чурина, комсомолец, окончил техническое училище, по специальности электрик, работал на заводе в Таллине...

Вначале только эти краткие биографические данные были известны коллегам из цеха. Но вскоре молодежь узнала, что ты любишь и знаешь комсомольскую работу, увлекаешься легкой атлетикой, играешь в футбол, болеешь... Тебя привлекли к работе цехового совета физкультуры, а на отчетно-выборном комсомольском собрании избрали в цеховом комитете ВЛКСМ членами руководить всей спортивной работой.

И комсомольцы не ошиблись в выборе. Скоро в цехе заработали различные секции, регулярно начали проходить тренировки, во воскресенье груши туризм отправлялись в походы.

Ты помнишь, Виктор, как радовались комсомольцы, как доволен был ты сам, когда хоккейная команда вашего цеха завоевала первое место в чемпионате СЗС Вымели и получила грамоту, свидетельства этой заслуженной победы, до сих пор висят на самом почетном месте в комитете ВЛКСМ.

Через год после открытия твоим собратьям тебе снова единогласно избрали в комитет комсомола. Когда же секретарь комитета Михаил Полярников уехал на экзаменационную сессию в звездочный институт и решался вопрос, кому заменить его, кому поручить руководство цеховым комсомолом, разногласия тоже не было: это дело доверили тебе, Виктор. Товарищи хорошо знали тебя, знали, что ты энергичный, инициативный человек, умеющий учиться за соблюденный труд. И ты гордо взялся за новую работу, отдавая ей много времени и сил.

Но именно в это время все отчеты, все явственные стали проявляться недостатки характера четырех, которых ты называл настороженным окружением вокруг тебя людьми, а в дальнейшем привели к тому памятному заседанию комитета ВЛКСМ, которое, как ты и сам признаешь, стало для тебя повторением в жизни.

На наших беседах ты неоднократно говорил мне, что не можешь молчать, когда видишь, что люди поступают неправильно или высказывают мысли, которые кажутся тебе неверными. И я с тобой согласился: убежденность в своей правоте, умение отстоять в споре свое мнение — качество очень нужное и важное. Но вот именно умение убедить товарища, умение доказать ему ошибочность его мыслей или дел у тебя не хватало.

Ты видел, как бригадир Колотюхин, под руководством которого ты сперва работал, изоглаша отдает неправильные распоряжения. У бригадира нет, как у тебя, десятитысяч за плечами, он не кончил технического училища, и ты, естественно, передко бывал более правым, когда спорил с ним по тому или иному поводу. Но, не умел спокойно, обстоятельно доказывать свою правоту, часто переходил в споре на крик, отвечал грубостью. Тебе пошли на встречу и перевели в другую бригаду. Но и там продолжалось то же самое: скоры с бригадиром, отказы выполнить распоряжение, которые ты казался непреклонным. Именно тогда и началась самое «прожигательное», которое потом все чаще употреблялось, когда разговаривал о тебе, Виктор.

Нечто подобное произошло и в твоих взаимоотношениях с комсомольцами. Когда ты испытала обидыности секретаря цехового комитета ВЛКСМ, в своем голосе все чаще стала проскальзывать поведительные нотки. Все чаще ты стала обрывать говорившего на полуслове и заявлять:

— А я думаю, что делать надо так...

Ты считала собственное мнение самым верным, единственным правильным и хотела его на-

взять остальным. Если же они с тобой не соглашались, то передко в ответ слышали окрик, а то и оскорбление. Ты никак не можешь понять, почему тебя обвиняют в засовности, в заносчивости.

— Ведь я же хотела сделать как лучше! — с горечью говорила ты мне.

Но, повторю, дело не только в том, чтобы самому быть уверененным в правильности выбранного решения, а и в том, чтобы убедить в этом товарищей. Именно убедить, а не при-

Я кто знает, как развернулись бы события дальше, если бы тогда, на заседании комитета комсомола, ты внимательно прислушалась к голосам товарищеской, не придали бы особого значения некоторым, может быть, несправедливым обличиям, которые я привела.

Ты поступила по-другому. Ты молчала, выслушала решение комитета: «За беспечное поведение и развал физкультурной работы в цехе объявить строгий выговор и вывести из членов комитета ВЛКСМ» — и ре-

ЕСЛИ ТОЛЬКО

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО КОМСОМОЛЦУ СТАЛИНГРАДСКОГО ТРАКТОРНОГО

казатель. Своей правоты бранью не докажешь, Виктор! Мне рассказывали, что стояло как-то перед Евгением покропить тебя ее иссохшимся турпаком, как ты с криком обрушился на нее:

— Сама знаешь, что ничего не делаешь, а еще и критикуешь!

Когда вернувшись из отпуска Михаил Полярников поговорил было со мной о тебе с тобой по душам, ты и с ним разругалась, даже при встречах перестала здороваться. А ведь раньше мы были друзьями...

Могли ли комсомольцы тракторного цеха пройти мимо этого, могли ли не попытаться помочь тебе разобраться в своих ошибках? Нет, не могли. Для этого и собралась осенью прошлого года комитет ВЛКСМ, на который привлекли и секретаря парткома цеха Е. П. Головченко и старшего членчика — энергетика цеха В. А. Сибасова.

На этом заседании было высказано много позитивных, общих для тебя слов. И Геннадий Журын, и Нина Шнакова, и Михаил Полярников, и другие члены комитета резко и строго потребовали от тебя ответа: почему ты, Виктор, стал таким глупым? Почему перестал заниматься спортивной работой? Почему ни с кем не дружишь? Или в цехе, где только комсомольцев более двусот, нет никого, с кем бы тебе было интересно встречаться или заводить друзей?

Я разговаривала со многими участниками того заседания комитета, когда обсуждали свое поведение, Виктор. И, поверь, все они в один голос говорили: тебе просто хотелось тебе помочь, как лучше жить. Все они верили, что есть способ сказать и до сих пор верят в тебя. Глубоко верят.

Но поверял в это один ты.

Ты обиделась на своих товарищеских, обиделась за то, что они только критиковали тебя и никто из них не напомнил о твоих полезных и нужных делах, которые ты сделала.

Выходило так, что я никчемный человек, что меня гнать надо отовсюду. И ни одним словом не вспомнили, как я по двенадцати часов в день торчала в цехе, выполняла различные комсомольские поручения. Об этом разом все забыли — с глубоко затянутой обией говорили эти три мэра.

Нет, Виктор, не забыли. Они помнили твои заслуги и сподобились за тебя, вторично вы背后的, в комитете, они поручили тебе секретарствовать. Именно поэтому так сурово и строго спрашивали с тебя комсомольцы, что знал другого Виктора Чурина, который быстро и точно выполнял поручение, умел организовать работу на то или иное дело. Они боролись за этого Виктора, которого знал раньше: хорошего организатора, отзывчивого товарища, настороженного комсомольца. Боролись против... Виктора Чурина. Да, да, против тебя самого! Поэтому что Виктор, которого они знали раньше, и Виктор, который стоял сейчас перед ними, — это были два разных человека.

шил, чтобы в сторону, и в то же самое не вмещалась.

Погребите без меня...

Ты отступила без быт, ты не стала делавши доказывать товарищам, что они были неправы в своих суждениях о тебе. Ты решка удалилась с видом оскорбленного никем не понятого, отказалась от всяких попыток реабилитировать себя в глазах окружающих.

В этом твои большая ошибка, Виктор! С тех пор прошел почти год. Многое изме-

нилось, когда кончается смена

Кончилась смена. Приходит ребята с завода домой — в общежитие. Одни отправляются в спортивные секции, другие — в музыкальную школу, институт, другие — в Дворец культуры, другие — в клуб, другие — в театр. Но многие остаются в общежитии и не знают, как провести свободное время. Становится скучно: «Чего дрова сидят?» — и заранее знаешь ответ: устал, нехотя снова купил билет, нехотя опять сидит в танце вот минуты пятьдесят, — карточки, водка и прочие «забавы» временного пребывания.

Превратить общежитие из места, где живут, в место, где небольшой культурный центр — вот науку задачу поставили мы перед собой. Так родился «Станция», культурный мюзикл, небольшой драматический коллектив, в котором работают ребята из разных уголков страны. И даже финал народного университета культуры, А народного университета культуры, где в общежитии изостудия, и, представьте себе, охотников заниматься в ней нашлось

нилось за это время в тракторном цехе. Михаил Полякардов, который и поныне является секретарем цехового комитета ВЛКСМ, с увлечением рассказывает о том, как коллеги цеха борются за звание цеха коммунистического труда, как участвуют комсомольцы в походе за технический прогресс, в борьбе с браком, как помогают наладить серийное производство новых тракторов «ДТ-75» к ХХII съезду КПСС...

— Ну, а Виктор Чурин?

ЗА СЕБЯ...

ЗАВОДА Виктору Чурину

— Виктор! — Михаил пожимает плечами. — Работает исподволь, в вечерний институт собирается поступать, в обращении с рабочими стоял напомин о содержании. А в общем, живет он очень замкнуто, одиноко, вроде как и не необходим никому... У нас в комитете с тех пор и не показывался.

Говорят, время залечивает любые раны. Но тем, Виктор, как мне кажется, сам бередишь свою рану и не даешь ей зажить. Даже теперь, когда ты вспоминаешь про события прошлого

года, в голосе твоем звучит обида на товарищ. Даже теперь, признавая, что сам был виноват во многом, ты тут же заявляешь, что не пойдешь на поклон к своим врагам.

Постой, Виктор, подумай: когда ты называлась врагами? Всюх товарищей, которые не могли простить тебе недостойного поведения и открыто так, и никак иначе, поступали настоящими друзьями. В наше первое издаравье жгли пособия «Физкультура и спорт» и налагали подзаклички. И вот за то, что товарищи не постакали тебя, а решили бороться за тебя против тебя, ты записала их в своих врагах.

Ты заняла сейчас позицию стороннего наблюдателя, ни во что не вмешивающейся (хотя можешь и вмешаться и помочь), тебя не интересует сейчас, что волеют комсомольцы, хорошо или плохо у них идет дела.

Ты видишь, что не все еще гладко получается у Павла Потового, который вместо тебя теперь руководит спортивной группой в цехе. Твой опыт, знания, любовь к ученикам могли бы помочь Павлу, но видимо начинчиво замышляться этой работой. И если раньше тебе, как и остальным ребятам, была дорога спортивная часть своего коллектива, то теперь ты с равнодушным видом узишь, что на вынешней традиционной эстафете, посвященной 31-й годовщине со дня пуска завода, команда тракторного цеха заняла предпоследнее место. А ведь в прошлом году ваша команда заслужила одно из призовных мест. И на первом, самом трудном этапе — 800 метров, на котором, по твоему, ты, как всегда, добьёшься ли команда успеха, бежал ты, Виктор.

А сейчас ты даже не пришел на стадион, чтобы помочь своим. «Меня это теперь не касается...»

Я знаю, у тебя есть мечта, мечта большая и светлая — стать инженером-строителем. Эта мечта зародилась тогда, когда ты участвовал

в строительстве дома, в котором сейчас живешь. Тогда ты отчего-то поняла, какая это замечательная профессия — строить дома, помогать людям быстрее наладить удобную и красивую жизнь. И я уверен, ты осуществишь свою мечту, станешь строителем. Чего-то, а упорства в достижении намеченной цели тебе не занимать: не каждому найдет в себе силы вторично во времени участвовать в 10-х классах и одновременно заниматься на подиумистических курсах для поступления в институт. Ты нашла в себе такие силы, ты выдержала это трудное испытание. Так почему же не найдешь счастья, преломить свой характер и снова вернуться к общественной работе, вернуться к товарищам, которые тебя ждут?

Мешает учеба? Но ведь учишься в цехе не один ты, а почти все комсомольцы. В этом году на подготовительных курсах различных институтов учились Бала Ермашова, Володя Козлов, Валя Стрельцова, в вечерних институтах и техникумах энтузиасты Валя Хильчевская, Володя Беленко, Саша Красильников. Многие из них уже заняты и как персональных рабочих и как активных общественников.

Не нравится общественная работа? Опять-таки неверно. Я помню, какоживялся твой голос, как загорелись глаза, когда ты рассказывала мне об истории, слушавшейся в семье Александровых.

Тебе тогда поручили разобраться в недоразумениях, возникших между молодыми супружескими, удержать их от намечавшегося разрыва. Тебе, несомненно, было приятно вести в свою семью молодую жизнь. Верю, что было трудно. Но ты не только не бросила этого дела, а довела его до конца, несмотря на многочисленные неудачи и огорчения, сумел найти убедительные слова и доводы, которые привели к примирению супружек. Они благодарны тебе и по сей день.

Мне кажется, что вернуться к товарищам, снова окунуться с головой в клинчуюю жизнь, которая кляком бьет в цехе, тебе мешает не только застарелая обида, но и боязнь, что товарищи неправильно могут истолковать твой первый шаг к сближению.

Как же я пойду к тем, кто меня критиковал и наказал? — спрашивала ты меня в последней беседе.

Сегодня Чурин раз улыбнулся...
Даже такая мелочь не осталась незамеченной!

Так почему же ты, Виктор, не пойдешь на встречу товарищам, не дожкажешь им, что ты уже не тот, что был в прошлом году, что спиральное эззансование, наложенное на тебя год назад, теперь уже заслуживает отмены?

Мне хочется напомнить одно древнее изречение, которое неоднократно приводила в своих статьях Алекей Максимович Горюхин: «Если не я за себя, то кто же за меня?» Альбино, как сказала тебе, Викторина, обращаясь вторую часть этого изречения, Алекей Максимович обращалась как будто прямо к тебе, Виктор: «Если все, что ты делаешь, ты делаешь только для себя, подумай, какой смысл во всей твоей работе, какой смысл во всей твоей жизни. Жизнь так, чтобы твои сердце обнимало весь мир и чтобы каждый звук в мире, каждая ульба и каждое горе в нем заставляли бы твоё сердце биться радостью или горем».

За последнее время ты, Виктор Чурин, не говоришь ничего, что бы пошло на пользу коллектиvu, в котором ты трудишься. Иногда слышишь, ты живешь сейчас по принципу: только для себя, подумай Серебренко, к чему это может привести.

Я уверяю, что ты найдешь в себе силы разрушить стену отчуждения, возведенную твоими же руками и отгородившую тебя от товарищ. И не раз еще комсомольцы твоего цеха, да и не только они, будут свидетелями больших и интересных дел, Чурик и заводской которых станешь ты, Виктор Чурин.

Желаю тебе успехов.

С дружеским приветом

Станислав ЕГОРОВ

очень много. Все начались с того, что забрели мы как-то с ребятами во Дворец культуры в комнату, где занимались художниками. Мы ходили вокруг мольбертов, за которыми работали наши земляки, и, у задумавшего развеять сомнение, нет у нас в общежитии любителей живописи. Конечно, есть, и надо им помочь.

Руководитель художест-

венной студии Иван Ильич Водопьянов увлекся этой идеей и согласился два раза в неделю проводить занятия. Вот так и возникла на дверях одной из комнат на первом этаже общежития художественная табличка «Изостудия». Появился у нас и скромный художник-скульптор Виктор Мандрыкин, сброшенный Толя Басалаев — в общем, оноко

двадцати человек. А необычная комната все притягивает и притягивает новых энтузиастов.

Видишь, нас не удивишь слушающими, на лицах которых написано одна лишь любовь к искусству, чтобы кому убить свое бородое время.

П. ПОДОСЕНОВ,
член бытового совета
общежития

3.

Смена
по Западному
окраинам

Е. РОГОВ

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Уже давно погашен свет, уже сладко посыпывает на соседней кровати мальчика Торея. А Юнона спит. Он лежит на спине, закинув руки за голову, и широко открытыми глазами всматривается в густую темноту, окутавшую родицу, до мелочей знакомую комнату. Завтра его здесь уже не будет. Завтра поезд умчит его из Сталинграда. Но стоит ему лишь вспомнить про поезд, как снова перед ним возникает тощее, лосниющееся лицо случайного получухи по купе, «энотака жизни», как тот сам отреагировался. Альвард Ильинский, что вон оттуда, из дальнего угла, раздается его надгребный, задыхающийся голосок:

«Я люблю тебя, жизнь, и надеюсь, что это взаимно. Хороши пели, с чувством! Голос у вас приятный. Только вот за что вы эту жизнь сами-то любите, понять не могу. О взаимности тем более говорить не приходится. Ведь насколько я узнал из ваших рас-

сказов, в жизни у вас пока один, так сказать, синяки и шишкы.

Юнона смачно обсыпывает куриную лапку, выбрасывая косточку в окно и продолжает:

— Школу, говорите, еще не закончили, а на скамье подсудимых угодили. В колонии, насколько могу судить, тоже не было молочных рек и кисельных берегов. Так ведь? Ну освободили, положим, досрочно. Это теперь модно... А дальше что? Не знаете? А я знаю. Да, довелось-таки повидать на своем веку. Хотите судьбу предсказать? На завод устраивалась рабочей, варилась кашу, как рукой пекла. «Мест для бодяных нет». Сама в карах сидела, знала, как вашего брата увозят... Хе-хе! Люди, говорите, помогут? Юнона, поверите моему опыту: в жизни далеко не все так, как в лекциях читают. В жизни чистые иногда помогают чистым, а нечистых — в бок ногой, плывут к другому берегу. Искусством, говорили, увлекаешься? Аристотель стать хочется? Эх, молодой человек, молодой чело-

1.

Незадолго до обеденного перерыва в звонок звонил Тамара Киргизова — рабочая заводчика Дмитрий Фатеев.

— Беда, Димка! Участок ма-
териально-технической службы
закончил выполнение задания. Третий день пять-
десят и четвертую деталь не
дают и в ус не дуют.

— А что же случилось? До сих
пор молчали? — рассределился
Дмитрий.

— И только что узнала
об этом...

— Ну ладно. В первых
сборках поста, подумаем, как быть.

Не успел гудок звонить, как в небольшую комитатку комитета комсомола автомата-серийного цеха пришли для них стать членами контрольно-комиссии мальчики поста. Новость, сообщенная старшим, заудоражила всех: ведь незадолго до этого комсомольцы изучили планы поста, под
свой контроль изготовление деталей для нового трактора. И вдруг такая неприятность!

Надо сразу выпустить «молнию», предложил секретарь цехкома ВЛКСМ Федор Калинин.

— Погодите — подергал его Фатеев и обратился к становище Асе Чемирзяновой, директору завода краски. Сейчас зададим им жару! (смикрон № 1).

Если один одобрил затею комсомольца, то другие спонтанно усмехнулись: повесисто повесились, а толкнули от нее, как от самого козла... (смикрон № 2).

— Поживем — увидим, — загадочно улыбнулся в ответ руководитель КИК Дмитрий Фатеев.

Наконец, почти перед самым концом смены из набитого на плечо пакета высыпался находившийся Федор Калинин и приполз рядом с «молнией» только что поздравленный пакетик (смикрон № 4).

— Вот тебе оперативности, удивляются рабочие.

— А до комсомол! До самого комсомола добравшись... Теперь же, когда на технологию придется биться за дело, по-настоящему!

На следующий день «молнико» сняли.

Она была уже не нужна...

2.

4.

Б ୟ କ ତ ତ ର ଏ ବ ଗ ଯ

век!. Не все может быть, что хочется, я вам скажу. Это только в кино да в романах там всякая... Женщины, конечно, хотят и в анкете постометрии — и та-то: на торфозаводах например. Ситуация ясна? А в залей анкете почине моих гвардей наружу торчит. Так сказать, пятно на всю жизнь. Да-с! С девушкой, подожмус, познакомиться, жениться бы, а она, как узиает, кто вы и что вы, так убежит без оглядки. Так-то. Вы еще молоды, я же людей преотлично знаю, пятый десяток на этом свете, насмотрелся!. Вот как на себе это произнечутся... Вот, где меня помянете. Другие песни знаете?

И Анвар, конечно, Анвар, не сумел стянуть толстяку. Да и времени не хватило: поезд пришел в Сталинград, ему пора было выходить. Но разговор этот клянчил засел в голове. Нечего да и засомнить о нем Анвар. И первый раз — когда зашел в отдел кадров Сталинградского тракторного завода. Пожалуй удостоверение токаря пятого разряда, ко-

торое получил в колонии, а в ответ услышал: «Ничего для вас сейчас нет подходящего».

Да, конечно, боялся он, что ли?.. Но кем был бы стадион. «Вот и сбылось, первое пророчество голстака. Неужели он прав и в остальных?». Уже в сумерках встретил недалеко от заводской проходной человека, которому почему-то вдруг, несожиданно для самого себя, рассказал свою историю. Человек внимательно выслушал, что попросил:

— Значит, специальность формощика еще имеешь? В чугунометальный пойдешь? Тогда приходи заутра, оформляйся...

Анвар даже поблагодарить не успел и ушел, забыв забыть спросить: «Да сух по уши не

А на другой день в отделе кадров ему выдали заводской пропуск...

Так началась его новая жизнь...

Анвар берет со студа сигарету и тайком чиркает спичкой: мать ее любит, когда он ночью курит. Но от этой прынчмы никак не может отучиться: пристрастился в колонии.

Фиолетовым квадратом стало проросы-
ваться в темном оконо. С реки вместе с па-
рами и пакетами пронесло промежуток мет-
ров и забытая парижка дрогнула комнаты.
Огнемок сигареты Анвар посыпал на часы:
«Четвертый четвертого... Клев, наверное, сейчас
хороший на Волге...»

Но мысли его, разбекашившие было, слов-
но стая вспущенных мальчиков, снова собрались
вместе. И снова в темноте показалось круг-
лое, похожее на разрезанный надрез головы
голландского сыра лицо толстяка, додающе-
го курицу.

— Нет, — видел ты на своем веку настор-
оженный взгляд Анвара, — Анвар, мысленно
обращаясь к постометрии. — Доверши нам еще
раз встретиться, я познакомлю бы тебя с
комсомольцами нашего участка, и ты сам
убедишься бы, какие бывают на свете замеч-
ательные ребята. Хотя нет, я не стал бы тебе
с ними знакомить. Ты не стоишь этого!..

Когда я рассказал им про себя, про свою
прошлую жизнь, про колонию, они сказали

РЕШАЯ СУДЬБУ ТОВАРИЩА...

— На повестке дня сегодняшнего комсомольского собрания — персональное дело Юрия Галушкина, — объявляет секретарь комитета ВЛКСМ молодежи района Бахчанов и в ироничном уголке, где только что было шумно, перекатывались волны молодого звонкого смеха, стала заниматься то же самое. Потрясенное лицо, в глазах многих — недоуменный вопрос: как же получилось, что работающий рядовой с ними мальчики не знают даже основной нозыни, оторвалась от комсомольской организации, перестал платить членские взносы?

Члены ВЛКСМ сидят за систематическое нарушение Устава исключить Галушкина из рядов Ленинскому наисовсоку. Это предложение идет в приемную общеиздание общего собрания, — заканчивает секретарь, и тишина разом взрывается. Отовсюду слышатся:

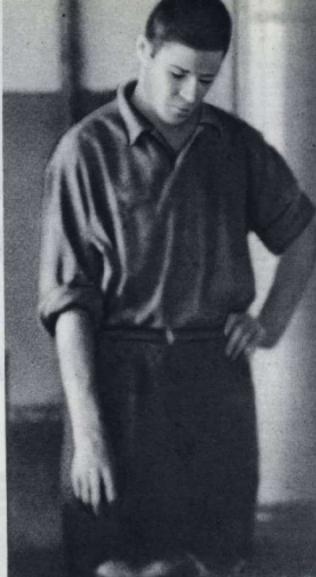
— Исключить — это самое легкое...

— А с Юрием по-настоящему кто-нибудь говорил?

— Пусть сам Галушкин на все всем расскажет...

Юрий медленно поднимается и, тяжело ступая, выходит вперед и к столу президиума. Голова низко опущена, болезненно, мучительно склонена к плечам. Волосы, ворсом громом сплюются на него, и хочешь — не хочешь, а на них приходится отвечать:

— Не платил взносы, хотя и не раз напоминали...

СТЫДНО ЮРИЮ взглянуть в глаза товарищам.

С МЕНА
на
ГРД
по зданию
комитета

ИСТОРИЯ ЮРИЯ ГАЛУШКИНА ВЗДЫНУЛАСЬ И НА ПАРТОРГА ОДЕЛА И. Я. АЛЕШКИНА.

МОЖНО МНЕ СЛОВО?

— МНЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО ИСКЛЮЧАТЬ ЮРИЯ ИЗ КОМСОМОЛА СЕНЧАС НЕ СЛЕДУЕТ...

мне: «Забудем об этом, Толик (они зовут меня Толиком). Самое главное, что ты сам все понял». Они научили меня новой специальности, они возвели в меня веру в людей. Вместе я и в антракте Станиславки, там «одевали на наряды!» Ты говоришь, что моей мечте — стать артистом — не суждено исполниться? А я, наезд тебе, стану им, я, можно сказать, им почти уже стал... Правда, не цирковым...

Бокального кружка во Дворце культуры тракторного завода не оказалось. Анвару предложили записаться в хоровой, но он лишь горестно махнул рукой и пошел по коридору. За дверь сошел один из его учеников — юноша в темном военном. Шла репетиция народного театра СТЗ.

— Можно, я похожу, посмотрю? — робко попросил Анвар руководившего репетиций режиссера Михаила Васильевича Раадолина.

— Пожалуйста, — несколько удивленно отвётил тот и снова занялся с артистами.

Но Раадолин удивился еще больше, когда

и на второй и на третьей репетиции он вновь увидел невысокого, крепко сложенного паренька с большими черными чубком и крупными блестящими глазами, внимательно следившими за происходящим.

Что, нравится? — как-то спросил режиссер Анвара.

— Очень.

— А не хотела бы ты сам попробовать? В спектакле «Сыны века», который мы сейчас начали готовить, есть небольшая роль, на которую мы никак не найдем подходящего исполнителя...

Когда же закончилась генеральная репетиция и ученики расходились, спросил у притворившихся гостей — артистов областного драматического театра — их мнение о постановке, он услыхал:

— Ваши ветераны — Прасковья Мироновна Чаганкова и Александр Иванович Ключко, — как всегда, на высоте. Но особенно свежо, своеобразно сыграна роль Зандеева. Кто исполнил ее?

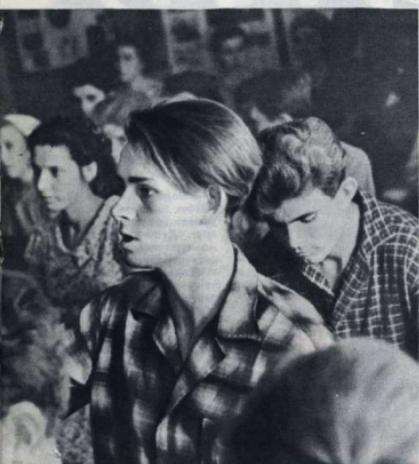
— Анвар Каашев...

— Одаренный юноша. С большим будущим...

Так началась путь Анвара в искусство.

Два спектакля народного театра СТЗ сморозили за последний год телезрители Сталинградской области: «Свидание у черемухи» и «Вас вызывает Таймыр». И в обоих главные роли исполнила Анвар. О его интересной, талантливой игре писала «Сталинградская правда»...

— Что же ты молчишь, «знаток жизни»? Почему теперь не повторяешь, что ты в бокальном кружке? — спрашивали горячо. Я добился в жизни всего, чего ни покажешь. И песян других ты от меня не дохнешься. Если хочешь знать, я сегодня уезжаю в Москву, в Театральное училище имени Шукшина. И на вокзал меня придет провожать Тоня, самая чудесная девушка на свете. Понятно? А теперь проваливай, «провидец», и не напоминай больше о себе! Мне пора собираться в дорогу!

РИТА ФОМЕНКО: А Я ПРЕДЛАГАЮ — ИСКЛЮЧИТЬ!

ВЛАДИМИР ДУБИНСКИЙ: НЕ ТОЛЬКО ОДИН ЮРИЙ ВНИМАЕТ, А ГДЕ БЫЛ КОМСОРГОДОМ? КОМИТЕТ РАНЬШЕ СМОТРЕЛ.

ВЯЧЕСЛАВ ЛОМОНОСОВ (в центре): ВСТАВИТЕ МНЕ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ КОМСОМОЛЬЦЫ ЗАЩИЩАЛИ НАШ ТРАКТОРНЫЙ РАЗВЕ ТЫ ПОХОЖ НА НИХ?

— РАБОТАЕТ ОН НА ПРОИЗВОДСТВЕ Хорошо?

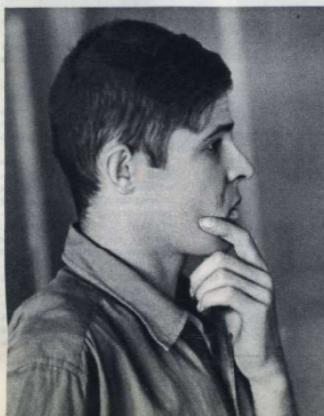
— С ПОЛНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ ЗАЯВЛЯЮ: Хорошо.

— ОТРИЦАТЬ НЕ МОГУ. ВО МНОГОМ ВИНОВАТ ГАЛУШИН. ЗДОРОВО ПРОШТРАФИЛСЯ...

— ЕСЛИ МЫ ВСЕ ВМЕСТЕ ЕМУ ПОМОЖЕМ, ТО ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМ ОН СТАНЕТ ПАРНЕМ!

Но вот Володя Чумаков спрашивает:
— А ты сам, Юрий, хочешь оставаться в комсомоле?

Эзз поглядывает на Галушкина поднимает голову, обводит взглядом присутствующих. Волеется глаза с напряжением смотрят на него:

«Что же ты, Юрий, ответишь?»

Сейчас Юрий не знает, как поступить. Юрий замелькали картины прошлого: война, смерть родителей, детдом, вступление в комсомол... «Будет ли Юрий оставаться в комсомоле?» — крепарь района, вручая комсомольский билет. Нигде не расставался с этой небольшой книжечкой Юрий Галушкин: ни в ремесленном училище, ни в армии. А теперь отдать ее?

Глухо звучат слова Юрия:

— Хочу оставаться... Горячими, взорванными языками были высступления комсомольцев: Алексей Радзубенок, Роман Фоменко, Николай Васютин, Виктор Соболев, Владимира Дубинского, Вячеслава Ломоносова и многих других. Немало интересных идей было высказано и Юрием Юрино. Одни поддерживали решение комитета, другие — и их было большинство — предлагали разные варианты для выяснения Юрию исправиться. Больше часа обсуждали комсомольцы моторного цеха поведение Юрия Галушкина. Наконец, в конце концов постановили: за проступки строго наказать, но в комсомоле оставить.

ЗАДУМАЛСЯ ЮРИЙ: КАК ЖЕ ЕМУ ТЕПЕРЬ ЗАВОЕВАТЬ ДОВЕРИЕ КОМСОМОЛЬЦЕВ?

КУЗНЕЦЫ

В. ФРОЛОВ

— Воды!

Печи палит так, будто задумали растопить все вокруг. Душище в цехе. Термометр показывает семьдесят градусов.

Каждые пять минут кузнец или нагревальщики выплескивают на пол ведро воды. Но через какую-нибудь пару минут все испаряется. И все-таки дышится после этого легче: воздух не так сух, не так жжет горло и легкие.

— Воды!

Когда за дверью кузницы засияла с 35-градусной жарой, вентиляция теряет свою силу. Спасительницей в такие дни становится абада. Холодная. Живительная. Несколько стаканов подсоленной воды — и жажды уже не столь гнетуща, а десятки, нет, сотни ведер, выпытых вокруг, — и дышать легче.

— Воды!

Печный становитесь перекрывающим оглушающий грохот ударов молота. Черное, загоревшее у печи лицо. На нем недоумение.

— Почему нет воды?

Рука лхорадочно крутит кран водопроводной трубы. Вода не идет!

— Что произошло? Почему нет воды!

Вскore все выясняется. Слышались взрывы. Неподалеку от завода, поплыла труба. Лопнула так, что кинжаловая струя воды размыла вокруг котлован глубиной метров в сорок. ...На месте аварии кипит работа. Аварийная бригада перекрыла воду. Теперь надо как можно быстрее починить трубу. Ведь, кажется ясно, что завод без питательной воды все равно что без золотухи.

Особенно опасно в кузнецном цехе. Меняю, разумеется, подождать, пока устроят повреждение. Но тогда придется остановить молоты...

Кузнец бросает испытуемый взгляд на своих помощников — подручного и нагревальщика. Лица у них решительны. Такие не отступают от трудных минут. Такие не сдаются. Они продолжают работу. Словно ничего не случилось. Словно для них вода — сущий пустяк...

...Нагревальщик вынимает из печи заготовку. Раскаленная добрая, она попадает под молот. Шесть

быстрых ритмичных нажимов на педаль. В ответ: «Тук, тук-так, так-так, тук...» Шесть таких же ритмичных ударов молота. Заготовку подхватывает подручный. Его дело — обрезать излишки металла. Затем еще завершающий удар, и детали будущего трактора готовы.

Все это длится буквально секунды. И примерно тысячи заготовок проходят за смену через руки рабочих. И каждая из них обладает гибким эластичным жаром. Так и танет по привычке крикнути:

— Боди!

Но сегодня вода на вес золота. Вот сейчас только выпили они стакан, разделив его поровну на троих. Но руки пересохли... «Одна из них, которой из рук в руки передаются заготовки, растет число щипцов, наполненных готовыми деталями. Уже выполнена норма рабочего дня. А кузнецы все с той же энергией обрабатывают детали за деталью...

* * *

Кто же они, эти трое, превращающиеся в пополам раза норму даже в столь сложных условиях? Быстро, с легкостью, с легкостью! И во всем одинаково! Школы, ремесленное училище, завод, служба в армии. И снова завод. Что тут, казалось бы, романтичного! Но приглядитесь, внимательнее к этим простым людям.

Вот один из них. Старший по опыту и по званию: бригадир Павел Шиловский — невысокий, крепкий, настойчивый болотник, волнистый и очень добрым лицом...

Работа на транспортом стала традицией в семье Шиловских. Уже четверть

века трудится на заводе брат Павла — Алексей. И хотя сам он склесарь-модельщик, Алексей всегда с необычайной теплотой рассказывает братишке о кузницах:

— Истинное сердце завода — это кузничные цеха. Там, браты, самые люди труда живут... Славно! Думают, что мы совсем...

Выслушав брата, Пашка убегал на Волгу купаться. На обратном пути там и тянуло заглянуть в кузницу.

Он видел сильных людей в черных комбинезонах. Слышал, как оглушительно бьют молоты по наковальню. И уже тогда его мальчишеский слух улавливал, что каждый молот поет свою песенку. Каждый отбрасывал свой собственный ритм, не похожий на ритмы других. С особым восторгом глядел мальчишам на кузнеца, работавшего на самом огромном молоте, удары которого заметно перекрывали удары остальных.

«Вот бы и мне так!», — думал Пашка.

Да, еще мальчишкой поступил Пашка на профессию музыканта. Не головой, а сердцем. Сердцем, жаждущим романтических подвигов. Не случайно, когда мальчишун пришел впервые в ремесленное училище, на вопрос: «Кем хочешь быть?» — он, не задумываясь, ответил:

— Кузнецом!

Из-за стола поднялся тогда пожилой мастер Яков Ильин Чикашин, седой, с огромными усами. Он ушел с завода на пенсию. Но не склонился дома к ноготочинам старинной мастерской, а решил в ремесленное обучить уму-разуму будущих рабочих. Струг и ласково оглядел Яков Ильин Пашку:

— А знаешь, что специальность кузнеца не любят лентяи и белородки?

— Знаю, — твердо сказал Пашка.

— Ну что же, — мастер пропел его по плечу. — Тогда, как говорится, за дело. Сделано из тебя кузнец!

И сдирал свое слово старший мастер. Через два года Павел переступил порог кузницы, с волением предъявив документы, в которых значилась его профессия: кузнец, свободнойковки.

Недолго проработал он на гравелищем. Через пару месяцев стал кузнецом-бригадиром. Потом был привезен в армию. Вернулся снова в родной цех уже знаменем бригадира. На самой мощной машине Лебедя-кузнеца — трехтонной 47-килограммовой — тот самый, о котором мечтал еще в детстве...

Так сбылась мальчишеская мечта Павла Шиловского. Он рвался туда, где труднее, где он больше всего нужен. И нашел свое место в жизни.

* * *

47-й молот сдружил этих троих: кузнеца Павла Шиловского, подручного Владимира Аброськина и гравелищника Анатолия Хоружего...

Когда Павел вернулся из армии, было это в 1959 году... Хоружий уже работал на 47-м молоте на гравелищем. Познакомились они на рабочем месте. Пашку покорили открытые лицо парня, быстрый вид, душевная манера разговора.

— С этим можно горы своротить! — сказал Павел мастеру цеха.

— Погоди. До гор еще далеко. Подручного надо подобрать. Потом сработаться, чтобы все трое действовали, как один механизм. Это не так-то просто. Мастер привел к нам высокого, худощавого, застенчивого, как девица, Владимира Аброськина.

— Вот решай. Просите к вам в бригаду. Кто подручными быть быт. Иначе грохнется с завода уйти... Работать-то он еще как следует не умеет. Но желание есть... Обещаю, решайте сами. Подходит вам — берите.

Они долго думали. Пашка думал о тебе и горя хотел. Парнико учить начали надо! Препод молчание Хоружему:

— Ну, если уж он так хочет работать на нашем молоте, придется взять.

До гор действительно оказалось далеко! Понаду даже норму не всегда выполняли. И все из-за Аброськина. Поставят неудовлетворительную оценку, забьют ее, и maybe она просторя обеспечено. Павла не раз подыскивали отругать подручного, высказать ему все, что налилось в душу. Однако сдерживались. И удивлялись: откуда берется хладнокровие у Хоружего!

Тот — словно ничего не произошло — спокойно объяснял, чем опасны пошучки, ушибы... Потом отвел Пашку в сторону.

— Ты не очень на него нападай. Видишь, парень старательный. Подожди — научится и отличным подручным станет...

Так они и работали. Очень разны люди. Шиловский — выдержаннейший немногословный, но зато требовательный. Хоружий — душевный, отзывчивый, готовый

всегда прийти на помощь любому человеку. Аброськин — стеснительный и очень мягкий... Может быть, именно то, что они были разными, какой-то мере сближению. Они дополняли друг друга. Всегда и везде они бывали теперь вместе. В кино — втроем. На рыбалку — тоже. В туристический поход — снова всей бригадой. Решения стать дружинниками — и опять одновременно...

Даже семья их подружилась и началась с простого. Еще в 1958 году у Аброськина родился сын. В тот день у молота его окладил подарок. В него была вложена записка: «Пока еще неопытному подручному, зато чистым отцу. Трудись. Волода, теперь тебе за двоих! А главное — не портят матрицы!»

Шли годы. Былица, никак не выдергиваемая, пренеся, вспыхнув, передовые. С нее уже брали пример. А дружина кузнецов крепла, как крепнут мускулы при умелых спортивных тренировках. И когда Хоружему или Аброськину предлагали перейти на другой молот, самим возводили бригады: они отвечали одно и то же: — С 47-го мы никуда. Мы всегда вместе, везде втроем!

* * *

Движение за звание бригады коммунистического труда началось на Сталинградском тракторном в «Тяжледи кузине». Первый это почетное звание завоевала бригада Николая Брызгунова.

— А мы что, хуже Брызгунова? Не можем, что ли,

Человек не может, не должен оставаться один, и в радости и в печали рядом с ним должны быть те, who зарищи, которые вместе с ним радуются его успехам, обрадуют, поддержат. Поскольку на снимке: это наши ребята поздравляют Валерия Андреевича, подручного бригадира из 47-й молотной бригады Петра Прудникова, капитана национальной футбольной команды СССР. А сейчас его чествуют не за успехи в мяче или на спортивном поле, а за то, что Енисейская команда впервые провалила в цехе Валерий молотом введенную школу. Сдав последний экзамен, прежде всего прибежал подделяться радостью на зрителей.

И мы все радовались вместе с ним, а сейчас внимание, внимание, за что он сдает экзамены в Московском институте стали. Уверены, что он нас не подведет.

Хорошее, добре слово можно склонить чудесно, особенно, если оно произношено от всего сердца.

Помнишь, как пришла и нам из земли волгоградской новенькая — Надя Яровая. Тихая, румянец на щеках девушка. Рядом с ней волгоградка Елена заминовалась, обосленно. Пометнули мы ее цветущую карточкой, пригласила ее для встречи, образование десять

классов, знает отлично науки, преподавала два года в школе в Биробиджане. И как ввести ее в нашу семью? В это время готовились мы отмечать День Советской Армии и флота. Смотрим: родилась Яровая кан раз 23 февраля! Зову кузенов: надо на пьесу «Амоникон». И, говорят, не первый раз: кому из парней будет принадлежать роль главной героини — не парню, а девушке... Весь цех сбрасывался тогда у «монаин». А Елена сказала: «Давай пьесу «Дорогой Надя! От всей души поздравляем тебя с днем рождения!»

Первый раз в «мужской» день геройиней цеха была Елена. И мы сказали бы что это мелочь, но на тек тор «лед тронулся».

Теперь Надя Яровая — одна из самых известных комсомолок, ее, лучшую в цехе, мы выбрали в этом году делегатом на сессию Совета депутатов трудящихся.

Разве это не лучшее доказательство того, что в цехе чувствует и себе внимание всего коллектива, он сам является настоящим другом людей, которых всегда рядом с цехом?

В. ЩЕРБАКОВ,
секретарь комитета
ВЛКСМ стальфабрики
Цеха

**СИЛА
ДОБРОГО
СЛОВА**

показать настоящий класс работы!

И как-то после смены Павел Шиловский рассказал друзьям, в какой восторг привел он однажды польских кузнецов. Слипнулся это, когда Павел служил в армии. Погорели и однажды командиры:

— Ну, ребята, надо помочь польским друзьям. Кто из вас работал на заводе?

— Я работал, — сказал Павел.

— Кем?

— Кузнецом.

— Ого! Как раз то, что нужно! Сразу же составили бригаду. Погорели Краины, на завод. Надо помочь выполнить срочный заказ...

По две нормы за смену выдавал тогда Шиловский. И когда через полтора месяца заказ был выполнен, краковские кузнецы не рукали высыпали Павла из цеха.

— Браво!

— Кузнец-прима!

Восторгом не было кончено:

Павел закончил рассказ. И тут же добавил:

— Покажем Брызгунову, что мы тоже не лыком шиты!

И бригада взялась за дело. Сложно, конечно, в уме основательно продуманной трудовой процесс, где главной все-таки рукою кузнеца, внести результат усовершенствования. Это не под силу деткам, в детах кое-что улучшить можно. И в «Легкой кузнице», по примеру бригады Брызгунова, придумали новую конструкцию матрицы, обрезающей обойл на самых сложнейших рычагах не в два приема, а в один. Производительность сразу заметно возросла. Потом занялись кранами. Были, конечно, мелочи. Например, усовершенствование тары, в которую складываются готовая продукция. До последнего времени все готовые детали приходилось оттаскивать от молота вручную. Тяжело и неконечно.

Шиловский предложил новую конструкцию тары. Ее — уже с помощью подъемника крана — в нескользкую секунду можно перенести в нужное место. И просто и удобно...

Словом, теперь бригада трудилась не только руками, но и головой... К тому же немало сил и времени отнимала учеба в экономической школе, созданной при кузнецком цехе, и на курсах техники. На них занимались в такие, кто неподумало покинуть плечами: зечем, моя, кузнец права тракториста! Шиловский, Абросынин и Хоружий отвечали им:

— Мы же тракторы делаем, а не бояться машин. Мы куем рычаги для наших тракторов. И разве можем мы не знать, что такое рычаги для чего тот? Вот познакомились с ними в работе, почтывались, что к чему, и к своему труду стали относиться иначе. Теперь трудимся не всплесну —

лиши бы что-то делать. Знаем, какие требования предъявляют трактористы к каждому рычагу, и стараемся выковать их такими, чтобы трактористы работали с максимальной отдачей...

Кстати, о славе. Кузнецы народ прямой, откровенный. Они поклоняются умению кузнеца, но признают только такую славу, которая заслужена честно, без демагогии.

Было в «Легкой кузнице» Сталинградского тракторного одно кузнец по фамилии Анисченко. Когда-то он работал подручным у Шиловского. Многое перенял у него. И в общем стал умелым рабочим. Стал ставить редукторы. Однако закружилась у парня голова. Сегодня на рабочем месте он был виноват в серьезном сорвале. Затем заработал стопкой продукции, что кузнецы только головами качают:

— Ну и здорово, чертина. Что ни задумает — своего добьется!

Усомнился однажды мастер в достоверности поданных кузнецом сводки. Прогорел. И что ж? Оказалось, что принесли кузнец себе лишних пятьсот деталей...

— А что тут страшного! — оправдывалась он. — Завтра бы я записал на пятьсот меньше.

— Зачем же людям обманывать?

— Просто хотел доказать, что могу сделать то, чего не могут другие! Ни слова не сказали кузнецам, добавив «прекрасно». Просто отсторонились и ушли прочь. И тому стало стыдно. Нет, не показался он перед товарищами. Не извинился. Видно, сильно гордился звездой. Предпочел уйти с завода. Ни кем не простился. Сбежал, как трус...

Нет, не о такой славе мечтали Шиловский, Абросынин и Хоружий. Они недавно вступили в партию. Они не требовали к себе особого отношения. Они рядовые в своей кузнице. Такие, как все. Их путь был прям потому, что были честны. Труд оказался успешным, ибо опирался на их рабочую смекалку, на самую надежную в мире рабочую совместную работу.

— 25 марта у всех троих был праздник. В этот день их необычайно тепло поздравили в цехе. Жены встретили дома каждого с букетами цветов. Потом сели за общий стол, и первый тост прозвучал от имени кузнецов:

— За нашу бригаду коммунистического труда! За вас, дорогие Паши, Володя и Алеши. Вы показали, что можете беззаветно трудиться на благо своей Родины.

Недаром вашу бригаду зовут в кузнице «Бригадой дружных... За вашу дружбу, дорогие кузнецы!

* * *

В этот день они пришли в цех раньше обычного. Все троих Надежды назад бригада Шиловского выступила с предложением: развернуть соревнование за право называться бригадами имени ХХII съезда партии. Потом они решили вызвать на соревнование одну из бригад Челябинского тракторного. Написали об этом в Челябинск, и на приходящем ответе: «Вызов принят». С бригадой Шиловского будет соревноваться одна из лучших кузнецких бригад Челябинского тракторного — бригада Николая Чернова...

— Что ж у нас, как в спорте: чем сильнее соперник, тем интереснее соревнование! — улыбаясь, сказал перед сменой Павел Шиловский.

«Мы тоже не было спущаться этой аварии с водой...» Так началось заочное соревнование. Когда кандидаты, каждый процент выработки, могут оказаться решающими в их трудовом споре.

Но разве кисень не принесла им брачные цветы? И они работают, как будто ничего не случилось. Только что подвели они стакан воды. На троих — половина. Теперь же поровну делают тяжесть нелегкого кузнецкого труда.

Шиловский заметно устал, уже начал сбиваться с привычного для него ритма. Абросынин кинул предавший Хоружего за спину свое место подиума. Стал приседать к молоту. Теперь он будет выполнять обязанности кузнеца. Шиловский, отойдя к печи, станет на время нагревальщиком.

Еще год назад такое не приходило в голову. никто не задумывался, какую огромную пользу может принести взаимозаменяемость кузнецкого молота. Теперь это уже обычное дело. Потратив часок в новой роли, кузнецы немного отдохнули, а затем с новой энергией принимаются за дело. Абросынин и Хоружий отлично освоили смежные профессии. Ныне они уже не только помощники Шиловского, но также же умелые кузнецы — «тум, тум-так, так-так», сmekalichno — отбивает свою песню 47-й молот.

Если посмотреть вверх, увидишь, как колышется наложеный влагой воздух. Словно масса ручейков разлилась под сводами кузницы. А внизу душно и жарко. Огонь испарил всю влагу вокруг. Он плавит метал. Но кузнецы не сидят одолеть людей. Побеждают в соревнование и творческий пыл трех рабочих парней, трех кузнецов, с подлинным ге-роизмом несущих свою предъезжевскую вахту...

СМЕНА
из
СТД
по зданию
Челябинской

ВЕЧЕРОМ,

ПОСЛЕ РАБОТЫ

Доволен гудок. Из-под заводной арки на огромную площадь выплынула поток рабочих Сталинградского тракторного завода. Вступалась смена. Позади напряженный трудовой день, наполненный большими делами, горячими спорами, пристройскими поисками. Впереди — заслуженный отдых.

И вот из темноты окон заводского дворца культуры появились напевы русских песен, задорные танцевальные ритмы, веселые песни. На беговой дорожке стадиона «Трактор» замелькали разноцветные машины-автомобили, неторопливо поглядывая по волжской глади белонрымые яхты, стремительно скользящие быстрых яхт с кипящими багажниками — спортивная спартакиада. Много людно и на маленьком речном гребном канале, протекающем вдоль Наги. Здесь и туристы, собирающиеся в очередной поход, и занятия по рыболовству, которые спешат не пропустить вечерний клев... Многие же едут безнакидками, определившись целиком со хоромами, и еще раз полюбоваться на изумительную красоту волжского радиуса, подышать удивительно спокойным, ароматным речным воздухом...

Фотоиллюстрации к материалам о Сталинградском тракторном заводе выполнены фотокорреспондентом Виктором САККОМ.

Юрий НАГИБИН

Из цикла марокканских рассказов

ДУРНОЙ ГЛАЗ

Широкая серебристо-пальмовая площадь четко делит Касабланку на новый и старый города. Белые небоскребы, уходящие в синее-серое небо, глядят смысока на маленькие, темные, сбитые дома медини. Из медины к сверкающим витринам кафе, расположенным в нижних этажах небоскребов, прибегают арабские малчики, поглядывать на туристов, поклоняться сигарету или денежку.

В столовых кафе, если смотреть с площади, всегда видны изящесные на медину фото- и киноаппараты. Туристы подстерегают здесь арабов в широкополых чалмах, арабских женщин с маджидиями за спиной, юных и пожилых веселостроителей в ярко-красных бубнах. Фотографировать в медине почти невозможно. Мусульманская реальность строго запрещает воспроизведение человеческого облика в рисунке, скulptуре или фотографии, и арабы энергично притягивают «слагаз».

...Этот рослый, краснолицый турист пытался

фотографировать на площади, перед кафе. Сдиннув на лицо легкую флертурную шапку из стекловолокна, проходил он, вылизывая свое тучное, небольшое тело, на котором забивший каштановый пиджак и серые брюки старались помочь в объективах стайки любопытных ребятишек. Он присаживался на корточки, краялся, согнувшись, под прикрытием автобуса, чтобы певаки не засекли из-за угла, изгибаясь с неподвижностью только что отбогданного удава, пытаясь накрыть их врасплох. Ребятишки были начеку и мгновенно разглядывали хитроумные маневры туриста. Только он поднялся на царап к ззору, как они разом перемахивали через деревянную ограду вокруг строящегося дома, а едва он оторвался оттуда от глаза, показавши над краем ограды свои смутные смеющиеся мордашки.

Конечно, они боялись «слагаз», но больше тут было итры, цирюк игра на грани издевательства. Когда турист терял их из виду, они сами напоминали о себе громкими криками: «Американец! Американец!..» Но американский турист то ли не догадывался, что над ним смеются, то ли не считался с этим.

Нетрудно было понять, что вызвано его устроем. Ребятишки были очень живописны, в своих ярких чалмках, они напоминали кирзовиков-птиц. Особенно занят был темнокожий, как пограничник, малыш с бритой головой, на которой курился один только

черный локон. Мальчиков-мусульман обрезают в восемьдесят лет возрасте. А что, если бы призвал мальца со свершением обряда, как отлучить его от неверного? Для того и оставляют на страженой макушке витой хохолок. За этот хохолок возьмет его пророк и перенесет в райское купе, куда доступ открыт лишь правоверным.

Турист не был пророком, и ему никак не удавалось «ухватить» ни взадомца хохолка, ни его быстрых товарищей. И тут он увидел одно из одного участника игры. В некотором отдалении от хохолатого арабчика и его приятелей слоились, опираясь на высокий самодельный костьль, малыши лет одиннадцати-двенадцати, облеченный в занознистые взрослые пиджак, доходивший ему до голых колен. Одна нога его была калечена: торкая, с кривой, толстой, будто распухшей ступней. Узкое, бледноватое лицо, изможденное от страха, отвернулось от него, а малыши, оторвавшись от лица, отворачивались от него, от этого мальчика, от человека.

Парнишка, которого так жалели, судя по всему, тоже боялся дурного глаза. Как тогда турист нацепился фотопапарацем на ставью ребятишек, он с испуганным видом комкался прочь. Затем опять возвращалась назад, в поле зрения аппарата. Но турист вовсе не интересовался камея, он, досадливо отворачиваясь, и хромой мальчик тщетно пытался его залечь, выставив напоказ свою жалкую оболик. Ведь он был ребенок и, как другие дети, хотел участвовать в игре, хотела, чтобы его пугали стеклянным окном объектива, хотел спасаться от «слагаз». Испытывать страх и радость избавления.

Мой товарищ, художник, медленно поднялся из-за столика — мы сидели под ярко-полосатым тентом летнего кафе — и пошел к выходу. По движению его локтя было видно, что он водит кинокамеру.

Наверное, хромой мальчик что-то понял, теперь он пошутил сто раз в сторонке, с грустно-застывшим выражением смотрел на улепетывающую стайку и с какими-то стыдливым упреком на туриста. Он не сразу заметил, что художник водит кинокамеру, а заметил, не сразу поверну этой склонившейся угрозе. А затем — «точки, радостным криком метнулся за фонварий стол.

Я тоже вышел из кафе и взял его под обстрел «ФЕДА». Какие чудеса быстроты и ловкости требовались от мальчишек, чтобы избегать двойной опасности! Он проворно ковылял на своем костьле, порой приводя к земле, чтобы тут же вскочить, он ругался почти всерьез, грозил нам кулаком, торжествующе смеялся, задыхался от усталости. Он жил.

В ПАЛЬМОВОЙ РОЩЕ

Его ладони загрубели, затвердели, обмозгались, от мороза. Глаза по головкам детей, он не чувствовал никакого прикосновения. Раскуривая трубку, он держал в ладонях уголек и не опускал охвата. Но иногда под его ладонями оказывалась эта коринцевая волосистая шкура, он так остро и трепетно опустил ее первышность, сущность, ее жизненную силу, словно с ладоней содрали кожу.

Он медленно отнял руки и поднял с земли мешок, набитый деньгами. Очень мелкими деньгами, там не было монет достоинством больше одного динара. Все же эти маленькие монеты доставят на сегодняшнюю покупку.

— Так сколько она дает? — проговорил он хриплым и потухшим голосом, воспаленными глазами. В который раз задавая он этот вопрос, и ему было страшно, что он опять спрашивал.

— Четыреста килограммов, — покорно отвечала продавец и вздохнула.

Это был статный, полный человек в белой джембе, белой чалме и розовых бубушках. Его тяжелый, толстый подбородок покосился на груди. Богат, — в пальмовой роще, где шел торг, ему принадлежало около полутора плюсовых ковров — он никогда бы не вязал в эту утомительную историю, если бы деньги, которые он зарабатывал так срочно, были до последнего дня скрыты от него. Женится; сейчас надо погасить долг, а он всю налаженность недавно полученной работы. Ему хорошо известно, что араб не купит самой малости, пока не вымотает из тебя душу.

Но и волнение старого крестьянина легко понять. Сколько лет конца он эти деньги! Сколько мешков с песком для чистки медной посуды перетаскал он на марокканский базар, сколько труда вложила вся семья в красноватую скотину, овец, баранов, землю, чтобы монеты со монетной фабрики эту суммы! Рис, лепешка и чайный чай в будничные привычки, рис, лепешка и чайный чай в традиционные почары, когда истомленным дневным постом человеку кусок мяса — что в жажду глохнет водой. Рис, лепешка и чайный чай — ничего этого не знали и его дети, лишились только искало молоко в материнской груди. Но теперь пойдет новая жизнь: детям будет молоко, взрослымя — мясо. Продавец умнился. В эту минуту он не помнил, что взял с крестьянин

хорошую плату, он чувствовал себя благодетелем.

— Четыреста килограммов в год дает она сейчас прогорока, с расщепленной головой... А подрастет, будет давать еще больше. Я, конечно, и спрашивал об этом! — отрывисто крикнула.

Продавец достал шелковый платок и вытер лицо. Солнце палило нещадно, а зеленые зонты высоких пальм почти не давали тени. И тут крестьянин, вздохнув решительно, с такой силой ткнул в грудь продавца мешок с монетами, что тот покинул ящик. Обхватив тяжеленный мешок руками, продавец, укоризненно посмотрев на крестьянина и пошел к своему мулу. Он хорошо разбирался в людях и знал, что не надо передавать эти считанные-пересчитанные деньги.

Крестьянин нетерпеливо и злобно смотрел ему вслед, переминаясь босыми, в коросте, ногами. Продавец приторочил мешок к седлу, упал толстым животом на спину невысокого, крепкого мула с черной, зеркально блестящей шерстью, закинул ноги на его крупу, с трудом выпрямился и затрусила клюшке, ведущему вгород.

Как только он скрылся из виду, выражение лица крестьянина переменилось: оно стало нежным и детским радостным выражением. Он снова почувствовал теплое, широкое, моложавое счастье, теплоту безраздельного принадлежало ему, и с его тонких, сухих губ слетели слова, которые крестьяне мира обращают обычно к коровам: «Кормилица!.. Поманщица!..

Он обнимал, гладил и целовал щерстистый ствол молодой финиковой пальмы.

Сокровище королевского дворца

Мы осматривали королевский дворец в Фезе, центральную систему дворцов, являющую единий складочный ансамбль. Прелести этих сооружений не в их строгое, несколько однообразной архитектуре, а в мозаике, украшающей стены, полы и потолки трофеев зверей, покос, арбориальных мечетей. Какая изюминка! фантазия породила многообразие: в мозаиках никогда не было ничего удивительного, это лаконичные сочетания красок, то глухих, то ярких, то кричащих, то нежных, но всегда гармоничных!..

И все же холодком веяло от мозаичного чуда королевских покоя. Я нырнул себе на том, что пытаюсь высмеять в причудливом сочетании ромбов, квадратов, прямогульников изображения живого существа: человека, зверя, птицы, рыбы. Чистый труд, не только образ человека, но и образ всех выдающихся существ из жизни мусульманской реальности из орнаментов и узоров.

Я усыпал ее спиной, позиционируя клавией. Наша туристская группа, водимая смотрителем королевских покоя, уже перешла в другой зал, и дворцовый сторож, переминаясь с ноги на ногу, ждал, когда я выйду, чтобы запереть дверь.

Это был старый негр. Тучное, вымое тело, обтянутое влагуто-травяную серую тканью, колыхалось вспышками, потрясавшими, как червь в засуху, босых ногах. Стромое угольно-черное лицо под глянцевой чешуйчатой кожей было изрыто оспой, а между осипленными чешуйками торчали седые волоски. Наливые кровью белки и желтоватые острые зубы придавали ему сходство с людоедом из детской сказки. Но сейчас, утомленный божественной геометрией, справлявшейся вокруг меня своей пышной и холмодущной прелестью, я с невольной симпатией задержался взглядом на жутковатой фигуре дворцового сторожа.

Он радостно оскалил свои желтые камыши и притянул мне тонкую, из темного табака сигарету. В ответ я угостил его «Кадбеком», и мы вместе выпили в сад покурили.

За высокой глиняной стеной, окружавшей сад, в пыльном небе дубовилось облачко, и здесь, в темне апельсиновых деревьев и фиников пальм, царила сияющая и прохлада. Красные и зеленые ягоды, спрятанные за камнями, хранили под разумом и клубами, журчала родник, выбрасывая тонкую сабрикую струю из камней чашки. Меня удивило множество бело одетых арабов, новодело как отпугнувшись в королевском саду. Они бесцеремонно, сидя на корточках в тени деревьев, спали под кустами роз, плягались холодную воду из родника, иные молились, разостлав ветхие коврики на песчаной дорожке.

Византизирован из травы возник маленький человек в коротких желтых штанах и куцей халатике, с белой бородкой, растущей из шеи, как у норвежских шкиперов. На плече у него висела сумка, голые до колен ноги были запорожены красноватой грязью, и, вероятно, он принадлежал издали, нежный, юркий, вонзясь в почкуской дорожке.

Своими маленькими руническими он тискал огромную, выпуклую спину негра, отстреливал от нее и любознательно разглядывал обезображенное лицо. Затем, поднявшись на воскоках, он стала целовать негра в щеки, в губы, в плечо и вновь оглядываясь на восток, он стала целовать негра в щеки, в губы, в плечо и вновь оглядываясь на восток, он призывал жестами и других арабов разделить его восторг, его радость. Арабы понимающе улыбались и кивали головами.

В саду появилась наши туристы во главе со смотрителем королевских покоя, выполнившим обязанности гида. Высокий, сухощавый, исполненный чувства собственного достоинства, он был одет в национальную арабскую одежду, но при гластрите и в замшевых туфлях. Стремясь голосом от привычки крикнуть выговорить старому негру и, пока он читал свою нотацию, все арабы, в том числе и маленький человек с козыней бородой, не промолчали.

— Что он говорит? — спросил я по-английски механика нашего автобуса Брамса.

— Ругается, что тот пускает в сад сторопанных...

Выговор, сделанный старому негру смотрителем покоя, произвел на них неоднозначное впечатление: он был вспоминан в приветствиях сада, сада, сада, которые незаконно допустили малых мира сего. Даже король, он налево вскакивался на каменную ограду, отломив три апельсиновых веточки, нежно и садко пахнувшие, и архуя их трем женщинам нашей туристской группы. Гид с кислым видом отнесся к этой галантной выходке, но промолчал.

Мы двинулись дальше, с ближайшей клумбы старый негр сорвал для наших женщин три белых, прозрачных лилии, в разории он выбрал три самых красивых чайных розы, при соединении к ним три махровых гвоздики и три ветви бутонов, усыпанные ярко-красными, будто горящими цветами, и вручила туристкам маленькие букеты.

Гид что-то прошипел сквозь тесно скомкнутые губы.

Он говорил: оставь хоть что-нибудь королю... — перевел мне Брамс.

Но старый негр решил оставить королю самую малость. Выхватив короткий крик-нож, он углубился в бамбуковую заросль и пренес нас нашим мужчинам по тонкой, гибкой тросточке.

Мы подошли к железным воротам, ведущим в другую часть дворца, негр отомкнул их громадным ключом из своей сумки. Посреди обширного, поросшего газоном, выложенным солнцем травой двора несколько подростков с громкими криками гоняли футбольный мяч. Лицо смотрителя покоя было обдуто пылью, гневная бледность растеклась по его смуглой коже.

— Ребята! короли! — кинув Брамса на конных футбольистов.

Старый негр с сердитой бровью накинулся на играющих, завладел их кувалдой, взвесил ее на мяч, выхватил из прорехи кувалды кусок кости и в один могучий взмах нанес удар по каменной трапеции. Затем сильным ударом посыпал мяч королевским рабам...

По ту сторону двора нам повстречалась неожиданно одетый, как бы поддержаный человек в полуазиатском, полуевропейском одеянии. Он жалко улыбался и помахал нам рукой. Гид ответил холмодущным почитительным поклоном, а негр подошел к человеку и поклонился ему руку.

— Дащий родственник короля... — каким-то сожаложным тоном, сочетающим церемониальность с пренебрежением, заметил гид... — Проживает во дворце...

— А почему у него такой странный вид? — понтересовалась мы.

— Дащий родственник короля... — с отчаянной ironией повторил гид... — К тому же сапшком удаляется шапками, а в медные есть великие мастера этой игры. Наверное, опять прудился да...
Воротило огнявшись — не видят ли кто... старый, черный, безобразные ангелы что-то сунули в ладонь дальному родственнику короля, тот улыбнулся слабой, добрым улыбкой: у него явился шанс отыграться...
Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Колониальные товары

А мама в девяносто шестом
Была с моим отцом в Париже.
Ну что рассказывать о том?
Нет, говори же, говори же!
Российским беглецам пришлось
Уткнуться в пансионе старом
С приметой — вывеской якобы:
«Колониальные товары».

Частенько вспоминала матъ
О венском городе Париже:
На всем истори печати,
Дома, как пачки пыльных книжек.
Еще у Мопассана есть
Про дом, что обошли пожары,
Где можно выскочить прокрест:
«Колониальные товары».

Приехал в пятдесят шестом
И я в Париже. И в первый вечер
Пошел искать замечательный дом,
Как с юности отца на встречу.
Шел сквозь газы дома и времени,
Большие пересады бульвары,
А вот и вывеска видна:
«Колониальные товары».

Приехал к венакам еще пять лет...
И, возвращаясь из Гиннен,
Вступили я на знакомый след.
Париж все так же пламенеет,
Неонов море — свое блеск,
Целуются, проходят пары,
А завесский нет как нет:
«Колониальные товары»...

Концерт в Монровии

Советские артисты! Они впервые здесь,
В Монровии, где правит торгащаяся слесь.
На них глазеть сойдется, конечно, город весь.

В руках антре-перенора доход билетных касс...
Измучены жарно, приехали за час
Московское сопрано и ленинградский бас,

Грузинские танцовщицы и фокусники-убежки.
Триумф им обеспечен, не только что успели!
На опаленных лицах волнение у всех.

Распроданы билеты... За сценой суета,
А в зале почемуто свободны все места,
И кажется зловещей сырья темнота.

Здесь, может, не привыкли, чтобы начинали в
среду?

Но час прошел — и трижды, угрюм и одинок,
Проплакал, как подибдики, испуганный занаво.

Под звездной крышей неба скамейки сплошь

пусты.

А за оградой зал чуть шевелест кусты.
И светятся, как звезды, глаза из темноты.

Там, затянуто дыханием, советской песни ждет
Монровия босая, беспритростный народ:
Распроданы билеты, и в зал закрыт им вход.

А в зале душ пятнадцать, от силы двадцать
пять.

В жилетах и цилиндрах насмешливая знать.
Так что же, концерт сорвался? Нет, надо
начинать!

Для тех, кто за оградой, за каменной стеной,
Исполним всю программу, все песни до одной.
В пустом бетонном зале идет концерт ночью.

Распроданы билеты! Нет, скуплены они.
Прием довольно хитрый, но новый в наши дни.
Да, вы одни на сцене, и в зале вы одни.

Продал концерта явный? Быть может, и прозвал,
Но я бы этот вечер провором не назвал:
Морская зыбь порою опаснее, чем шквал.

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ

Из книги «Африка и ее...»

Маневр врагов подобен стрельбе из-за угла.
У них, видите, сегодня неважкие дела:
Скупили все билеты, а наша все же взяла!

Товарищи артисты! Пусть ваш концерт войдет
В событий африканских опасных разрозн
Как, может быть, не круты, но острых
Линий.

А за стены зала — сиянье сотен глаз...
Московское сопрано и ленинградский бас,
Грузинские танцовщицы, я поздравляю вас!

Лондонский пейзаж

Осенний сквер и желт и сер,
Серый иней на желтенькой травке.
На скамье восседает там сыр, кавалер,
Генерал-губернатор в отставке.

Он в сюртуке и котелке,
В теплом шайлоном пальто и при трости.
Эта трость, словно жезл в сухожильной руке,
Из словной сработаны кости.

На кой такой ему покой,
Раздвигавшему саблем джунгли?
Прибрел он подагру над Темзой-рекой,
Загорелые щеки покужули.

Реки Нигер, где кавалер
Служил членом, видно исправно,
Словно неблагодарности черный пример,
Где то лягут спокойно и плавно.

Британский фут, английский фунт,
Все святые тузымы отвергли.
Протрутите атаку: да это же бунт!
Открывайте огонь, канонишки!

А где же войска? Одна тоска
Желтым дождиком сеется слабо.
Белой тростью бесслильная машет рука
И сшибает лишь веточки с граба.

Фуззи-Вуззи

По калабасам бродят брага,
Векам суровым брошен визов.
В Нигерии подняться флага,
Час нынешности близок.

Сэр Робертсон в день последний,
Чтоб все вспомнили лицо гладко,
Призвал войска из Нигерии, гладко,
Да поддержание порядка

Фуззи-Вуззи — солдат королевы
И направо пойдет и налево,
А прихватят — откроет огнь.

Ни о чем ему думать не надо.
Фуззи-Вуззи — цветная бригада.
На ружейном прикладе ладонь.

Машины грузные, мордаты,
Сквозь джунгли пруть, как белемоты.

К Лагосу стянуты солдаты
На случаи экстренных работы:
Варвары вспомнили о привычкам белым
Глазами яростные сунут.

Тогда скромн зажимается делом
Солдат послушный — Фуззи-Вуззи.
Фуззи-Вуззи — солдат королевы
И направо пойдет и налево,

А прихватят — откроет огнь.
Ни о чем ему думать не надо,
Фуззи-Вуззи — цветная бригада.
На ружейном прикладе ладонь.

С английской принцессой юной
Сэр Робертсон явился бледный.
На страже, около трибуны
Стоят солдаты Ниагален.

Он смотрит на народный праздник,
Он смотрит на народный праздник,
И надежда Фуззи-Вуззи дразнит
Кругом пальмовая брана.

Фуззи-Вуззи — солдат королевы
И направо пойдет и налево,
А прихватят — откроет огнь.
Ни о чем ему думать не надо,

Фуззи-Вуззи — цветная бригада,
На ружейном прикладе ладонь.
И вдруг солдат снимает феску,
Ее подбрасывает в воздух.

За нее летят горянки, резкий,
Из сердца вырвавшийся воглас.
Принцессы юной королевы
Глядят на сорвавшуюся феску.

Но беспорядка нет в Лагосе,
Все чинно, чопорно и тонкое.

Для чего здесь войска? Непонятно!
Фуззи-Вуззи отправят обратно:
Вдруг тузымы откроют огнь!
Привозить его было не надо...
Фуззи-Вуззи — цветная бригада,
На ружейном прикладе ладонь.

Хищники

В дремучих джунглях южной Сахары,
В саванне, где лесом стоит трава,
И львы попадаются и ягуары —
Для модных звериных ходить товар.
Ловцами белые и темные были.
Шлем до бровей, в руке пистолет,
И джунгли и зверь подчинены силе,
Так долго длилось — почти сто лет.

А зверь рычит, раззевая пасть.
В любое мгновенье ждите беду.
Ваш хищник может на вас напасть,
Имеите это в виду.

Везде добыча в глубоких тропах,
Глушили дикими кровавым трудом.
Когда нащеки зверей угромых,
Был погнут клетки диковиной прут.
В промысле этом успех изменился,
И трудни ловцам осталась людьми,
Путь все опасней, зверей все меньше,
Но надо действовать, чтоб возмыш!

Где взять нельзя, там надо укрыться.
В любое мгновенье ждите беду.
Ваш хищник может на вас напасть,
Имеите это в виду.

Огромные стада зверей горячей,
Добывающие ринулись в глубь земли,
И в шахтах их скоро ждала удача:
Уран сморщенными они нашли.

Его вывозят в санитарной клетке,
Дорожке золота каждый грамм,
За них охотятся все разведчики,
А силы своей он не знает сам.

У этого зверя черная масть,
В любое мгновенье ждите беду.
Ваш хищник может на вас напасть,
Имеите это в виду.

Он страшно, он страшно, он страшно
За судьбы своих аукционных стран.
Им видится небо в жажде плаха,
Из клетки вырвавшийся уран.

И нет укротителя! Хищник рыщет,
Набрасывая зорьки взамести.
Один руины и пепельница
Оставил он на своем пути.

Бесславно замоничит ваша власть,
В любое мгновенье ждите беду.
Ваш хищник может на вас напасть,
Имеите это в виду.

Форму сердца»

Только забастовка

Сегодня Бельгия бастует.
Заводы тихие пустуют;

Закрыты фирмы и конторы,
Молчат заглохшие моторы;

Тепло показывает Цельзий,
Но перевозы вмерзли в рельсы.

Не выйдет поутру газеты,
Из кранов — рикша, тошнит клозеты;

Людей не видно в магазинах,
Лишь манекены на витринах;

Как фотография, застывший
Мир, сына Африки убивший.

Ах, господа, вам очень страшно,
Когда молчат часы на башнях,

Для вас подобие катастрофе
Лишище утреннего кофе;

Приводят в ужас вас, что даже
Капусты нынче нет в продаже

И не подсчитывают банки
Потерянных вами франков.

Да, грустно в вашем королевстве,
Рискующим пропасть без вести.

Без конголезских латифундий
С одной Руандо-Урунди.

У вас подкрадки задрожали...
Как коммунисты, мне, пожалуй,

Вас успокаивать неловко,
Но это только забавтика.

Еще дойдете вы до грани —
Как в гимне: «Гром великий грянет!»

ЖЕНЩИНЕ ИЗ ПЛЕМЕНИ ИОРУБА

Вероятно всего,
Больше вас никогда не увижу.
Никогда не увижу!
А надо так много сказать.
Как черны эти земли:
Огонь все кустарники выжег,
И на коже у вас
Бесцветного солнца печать.

Сколько лет вам?
Шестнадцать или тридцать?
У вас уже дети.
А быть может, вам двести,
А может быть, тысяча лет?
В этом древнем kraю
Заблудился я в джунглях столетий
И едва отыскался в наших джунглях
Вашей юности след.

В эзинках голова,
На щеках в пять полосок надрезы,
А в глазах и покорности, и власти,
И страстью, и страсти.
Не на черного дерева люди,
И не из железа,
Не игрушки природы —
Всего человечества часть.

Ваши бедра обернуты лентой
Безумного синца.
Ваша гордая грудь,
Не стесняясь, глядит на меня.
Я был любими когда-то.
Могу и сегодня влюбиться
И спорить в этом пакле,
В лучах африканского дня.

Вы на белых привыкли
С трех лет самой быть испугом.
Как мне быть, обсанье?
Что мне грядут времена.
Мы стоим беззязычные,
Разные друг перед другом,
Под седым баобабом
С короною, как кожа слона.

То, что любите вы, я люблю,
Ненавистное вам — ненавижу.
В наше умное время
Братятся холод и зной.
И обидно,
Что больше я вас никогда не увижу:
Вновь приехав,
Пожалуй, не хватит мне жизни одной

КАЛЕНДАРЬ ГЕРОИЗМА

КОГДА ПОЗОВЕТ

ДРУГ

Е то случилось на одном из самых отдаленных участков строительства железной дороги в Африке. В тот же день участка была принята радиограмма из таинственной глухомани, где работала «Отказница».

— Отказница, Гаркнет все время. Вонуск уже вторые сутки... блеск в научниках хрин...

Инженер Катенин, склонившийся над ракицей, пытался выяснить причину отказа. Но в технических схемах никак не мог добиться до сущности. Катенин с досадой сбросил трубку. Несколько минут спустя Федотову опытного эквивалентчика. Но пробиться ли он сейчас в глухомань?

Вонуск болото сделаво трассу с обеих сторон. Оно было как живое, сделаво широкую полосу поймы, винограда земли. Тогда же речись. И всетаки к Федотову обязательно надо поспаси человека.

— Я проబось и наему, — неожиданно сказал Андрей Ермаков.

— Не пропадай. Говорят, где огни пройдет, пройдет и сордат. А я вонуск не знаю. Пускай дембованый, но солдат.

Инженер внимательно посмотрел на склонившего напротив него здравника в выцветшей гимнастике.

— Катенин, — сказал Андрей. Вы ручать надо Федотова.

Ермаков вышел в дворок и вешал. Сыпец смыл из нирки, вешал, упорно шел вперед. И только, когда на груди отпустилась ночь, решил переночевать. Он заснул на скамье, насты ностре, спички отсыпал. Тогда, выбрав место посучье, привычно сплюнул в кровь руки. По дороге напоролся на корни, и тени на эти корни, как перья, спасли от боли.

Забылся Андрей лишь под утро. И буквально через какой-то час тонкие ветви, вспыхнув, начали сучьи. Что это было — мядеды или римсы, вышедшие на ночную охоту? А дальше разбросались сучьи. Но спать уже больше не мог и стал придираться дальше сквозь густые ветви.

На рассвете Андрей понял, что сбился с пути. Он пытался сориентироваться, но в темноте не мог никаки нависнуть, над тайгой синевы туч. И тогда Ермаков повернулся обратно, но сквозь сучьи следил. К полулунию он вышел и на- кому-то зевнул.

Уже в темноте Андрей не знал, что делать. Он обхватил ствол сосны. От слабости за кривнула голова. Но не получалось. Тело, тоже склонившее как гуашь, стучало в груди сердце.

Он же заставлял себя подняться. От усталости, от холода, от страха, от слепоты вен. Но Андрей понимал: останавливаться нельзя — стоять придется, пока не уснешь. А впереди — ночь, холода.

И вечером Андрей вернулся к

окраине болота, с которой начал свой путь. Что же делать? Опять обходить? Но для этого потребуется время, а времени нет. И кто знает, существует ли он снова? А ведь Федотов идет! И Андрей решил перебраться с членом боевого поисково-спасательного отряда. Быть может, в одном месте Андрей показалось, что грутят стоя твердо. Он встал на ноги и, сунув руки в карманы, «гуль» побогашил, «Ермак», произнес в мозгу. Андрей упал на руки. И вдруг вспомнил, что вонуск три смыси. Но она держала его. Вот по самые бедра затянула его кида. Но кида не держала. Андрей судорожно цеплялся за болотную траву. Монгол, гнилая, она вынула из кида. Но кида еще глубже засосала его. Огни гремели, Андрей поднялся. Но кида не отпускала. Тогда он убежал, рваная, пощевеливаясь: однажды рвана — и трясина по-глени его.

Вечером сумрак быстро окунулся болото. За ночь он еще вспыхнул, ободрался и тогда в конец «ночью» вспыхнул в красных вихрях. Сам того не замечая, Андрей почти крикнул: «Ну и хлюпки же ты, Ермаков!»

И этот крик неонвидимо вывел из состояния растерянности. Нет, Ермаков хлюпки не будут жить! Я проబось и Федотову, обязательно проబось! Он на-жал и разумел. Через мгновение Андрей почувствовал, что лежит на корни, как перья, спасли от боли. Спасли. Спасли.

Теперь он уже не решался встать на ноги. Он склонился к земле. Из-под корней наскрепо сплетенных кишок добрался до леса. Из-под корней норы, приваленной сосны бил ледяной родник. Чистый и прозрачный. Не всплыл, не всплыл, раздираясь в кровь руки. По дороге напоролся на корни, и тени на эти корни, как перья, спасли от этой гнилой ямы.

Андрей, покачавшись, добрался до леса. Из-под корней норы, приваленной сосны бил ледяной родник. Чистый и прозрачный. Не всплыл, не всплыл, раздираясь в кровь руки. По дороге напоролся на корни, и тени на эти корни, как перья, спасли от этой гнилой ямы.

Проснулся он от крика.

— Ермак, да жив ли ты?

Над Ермаком склонилась счастливая Федотова.

— Ну, давай помогу умыться.

Андрей оперся на плече товарища.

— Ах, Андрей, — сказал Ермаков.

— А где же твоя машина? Стоит?

Стонет, чтоб ей. Тут недалеко.

— Ермак, я шестой раз прихожу сюда. Не могу уйти. Не могу.

Прямо замучила по радио, как-дам полчаса вымыла. Все о тебе спрашивали. Ты же не любишь, чтобы нас звали. И вот Федотова противу Ермакову кусок хлеба, с салом, с маслом.

Андрей, с таинственным дебри огла-
сился раскатистым ронтом экви-
валентчика. В его набине сидел Ан-
дрей Ермаков!

П. ШВЕЦ

АЛМАЗЫ И АВТОМАТЫ

Стремительный вращающийся кулаком дисковидный на ножки нанесен тонкий слой алмазного порошка. квадрант — приспособление для крепления алмазных и самый главный инструмент — человеческий глаз, который несколько часов — и кристалл алмаза превращается в бриллиант. Но еще интереснее, что на специальных станках его разрезают на две-три части, затем «обдирают» с помощью узких лезвий, придают им нужную форму, и только после этого — на поверку — кристалл становится тончайшими искусственными гранями. Чтобы называться бриллиантом, кристалл алмаза должен и один раза должен иметь не менее 57 граней. А ведь не каждая алмазная выработка весит более 200 миллиграммов! Но на Свердловской ювелирно-гравировальной фабрике эти огромные кристаллы удивляются, находит до 100 и более граней на таком кристалле; ведь чем больше граней, тем лучше он «играет».

В природе, в двух однажды обнаруженных месторождениях, один из них имеет свои особенности внутреннего строения, а другой — нет. Для изготовления алмазных камней каждому кристаллу придается определенная форма, и в результате работы огранки работает на глаз, исходя из особенностей кристалла.

Ну, а если он имеет дело с искусственными драгоценными камнями? Ведь кристалл — это камень одинаково и в этом случае усугубляется опасность процесса огранки! Он изымается, можно. На фабрике же, где нет никаких ограничений, нет необходимости в оправах модельеров, в которую входит молодые таланты художников-дизайнеров. Кстати, главный инженер фабрики А. В. Моргунов.

Новые станки обрабатывают сразу от 100 камней либо в фабрике. Четыре части кристалла, копец брошен, и других копец, упавший, этим камням не приходится дальше пропускать вперед, тут же, на фабрике, имеется ювелирное отделение...

Изделия Свердловской ювелирно-гравирной фабрики хорошо известны во всем мире, но и за рубежом. Только за последние год они с успехом выставлялись на международных выставках. В этом году впервые в истории фабрика представила на выставке в Гамбурге группу модельеров, в которую входят молодые таланты художников-дизайнеров. Кашин, Устинчина, Владислав Хромцов, Владимир Лузум. Сейчас они работают над новыми моделями ювелирных изделий, обрамленных полупрозрачными камнями — «альбатросами».

Ю. РЫБЧИНСКИЙ
Фото В. Арсеньева.

СТО ДВАДЦАТЬ ГОРОДОВ В ОДНОМ ГОРОДЕ

Первое слово было за экономистами. Они подсчитали, что километр в стенах улицы Камышино, one из самых больших залежек «черного золота», надо построить город нефтегазодобывающих.

Тогда взялись за дело градостроители. Архитекторы обильно жестикулировали мелочами и изучали Камышино, гравя душистые берега и липовых рощ. Пройдет несколько лет, и в чисто красивом городе встанут первые дома, город с двухсотлетней давностью населением — Нижнекамск.

Новый город будет различаться от всех существующих. Построенный из бетона, стекла и

стекла, он вберет в себя сто ячеек для проживания семей из исторических городов на тысячу из лишних жителей. Это в самом деле будут города, полностью блокированные друг от друга, сконцентрированные, даже ларильком-базой, оттуда прямиком на индустрию доставят самые необходимые грузы. Идея этого жилищного комплекса будет расположена и «семейным залом», где любая семья сможет устроить свою жизнь в торжественные вечера или свадьбы. Словом, в микрорайоне его жителей будет предоставлено все необходимое в быту.

По замыслу архитекторов, три-

четыре жилых комплекса составят жилой район. А три-четыре таких района образуют застройку с тридцатью пятью микрорайонами. Здесь уже будут и школы, и стадион, клубы, и кинотеатры, и гостиницы, и магазины, и залы для спорта и съездов.

Сейчас началось строительство первой очереди Нижнекамска. Сто гектаров земли, на которых их семья поселится здесь, в ближайшее пятидесятилетие.

— Каждый житель, — сообщили нашему корреспонденту начальник З-й архитектурно-планировочной мастерской Нижнекамского института проектирования городов Е. И. Кутырев и его молодые помощники Е. Чернишева и Ю. Бекетова, — получит квартиру в семье, она получит комнату площадью не менее 12 квадратных метров.

В ПОСЫЛКЕ...
ЛОДКА

Пока что в магазинах можно купить наборы деталей, из которых нетрудно соорудить модель катера, модель яхты, модель самолета или модель самолета. А неизвестно ли на заводе изготовить детали и дома построить из них настоящий самолет? Самолет, видимо, нельзя, а вот яхту...

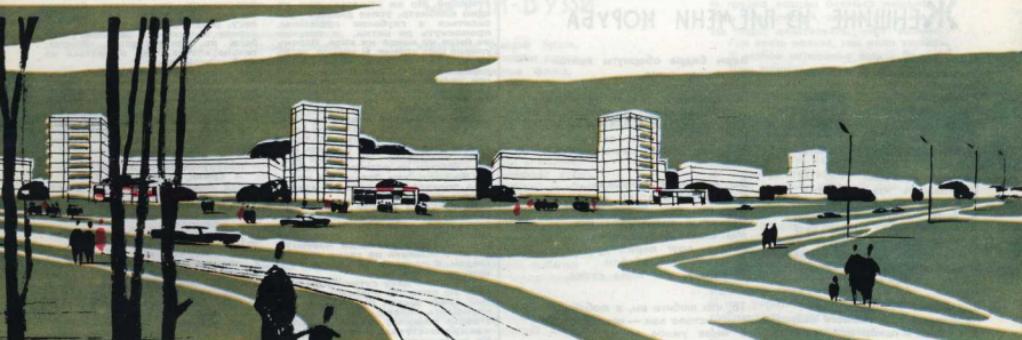
Уже в этом году судоффер Маринского Посада, что расположены в Чувашии, начнет выпуск лодок в пос. Сычево.

Ты обратился в магазин, перешел туда деньги — столько же, сколько стоит хороший квасильник, и четырьмя неделями ждешь, когда тебе дадут три небольшие лодочки. В ящищиках — собранные шпангоуты, форштевень, транец, поперечные детали, листы фанеры, для обшивки. Здесь же гвозди, шурупы, клей и краска. На стенах ящищиков с внутренней стороны висят скрепленные парой — тоже детали катера.

Вместе с деталями пришлют и инструкцию, в которой подробно рассказано, как и сколько катер готов.

Подвесной мотор, и можно отправляться в туристский поход по рекам и озерам, на рыбалку, на охоту. Хотите заняться водно-спортивными видами спорта — можете приступить к водной глади! На этом катере все можно: от приспособления под установку второго моторчика...

Моторчики дали наше короткое имя — «МК-29». Он берет на борт до 6 человек и при одном моторе легко идет со скоростью до 18 километров в час.

ОКНА НЕ ПРОПУСКАЮТ ТЕПЛА

Как защищаться от палиящих лучей солнца в летний зной? Надежно укрытие могут стены дома. А окна? Не оказываются же от света! Но вместе со светом в помещение льется и тепло.

Недавно ученые разработали состав такого стекла, которое задерживает теплодарящие инфракрасные лучи, отражая их, подобно зеркалу, и пропускают лишь световые. Компа-

тия, в окнах которой установлены такие стекла, имеют проходный «климат», несмотря на то, что окном страшная жара.

Термозащитные стекла изготовлены на Ашхабадском стекольном комбинате имени Ленина. Нетрудно себе представить, как в них нуждаются жители Средней Азии и других мест нашей страны, где летний зной слишком велик.

ПАМЯТНИК РУССКОЙ СЛАВЫ

С высотной смотровой площадки мы видим широкую Москву, бородатого боя Ватутина, посылающего коницу Уварова в бою французских войск. Вот генерал Деникин, сидящий на коне, ходячий боевик знаменитой батареи Раевского, Семеновские и Багратионовы фланги. Французские полки, падающие вниз, как снопы, — это

нынешней осенью в Москве, в специальном строем здания рядом с «Кутузовской» откроется панорама Бородинского боя.

Знаменитая панорама была создана сто лет назад художником-баталистом Ф. Рубо. Она поражает не только художественным совершенством, но и своим размером: длина панорамы составляет восемьдесят пять метров, а высота — в одиннадцать в метрах.

За прошедшие годы уникальную панораму неоднократно ремонтировали и смыкали.

Свыше 150 квадратных метров панорамы

оказались совершенно испорченными.

На создание новой панорамы было потрачено около 200 крупных изысканий, многие из которых были размером до квадратного метра.

Сейчас панорама находится в мастерской группы московских реставраторов, работающих под руководством народного художника РСФСР А. С. Пушкина.

Прежде всего реставраторы надо было подсиять панораму на новый холст, обшить ее тканью и, наконец, пристроить к полутора тысячам квадратных метров. Холст необходим был сплошной, несшитый и нестыкованный, чтобы избежать искажений изображениями.

Но тут возникло иное затруднение: Где настянуть холст, чтобы не разместиться на столе для выполнения сложной процедуры подсияки? Стол, вполне пригодный для проведения бега на короткие дистанции, состоящий из двух деревянных досок, не мог вместить панораму Ф. Рубо; на другом, равном холсту, третий будет намного ресстрировано полотно.

Почти заново художникам-реставраторам пришлось сконструировать стол для панорамы: они написали небо и некоторые батальные сцены, полностью восстановив картину, воспевающую силу и славу русского оружия.

ПЕРЕД УНИВЕРСИТЕТОМ... ЛОСИ

Эти необычные прищепцы появились перед высотным зданием Московского университета на поляне для газонов. Они бесцеремонно раскачивались по газонам и цветникам, не считаясь с запретами табличек.

Конечно, вокруг лосиной семьи собирались любопытные. Звери забеспокоились и стремительно покинули спортивную площадку. Однако вскоре, да и отступления пришельцев были уже устранены. Студенты задержали «гостей» до вечера и потом вывели их за пределы Москвы.

Через несколько дней к удивлению многих лоси вернулись на спортивную площадку иконы лоси. После того как на боках мы узили отца семейства. Очевидно, кем-то напуганные, звери вернулись к своим питомцам, а теперь лось по старым следам пошел искать свою семью.

ВИСЯЧАЯ КРЫША

Представьте себе велосипедное колесо обода спицы, вращающееся в зиг-заг, что обод — диаметром раз в пятьдесят больше величины колеса — собран из дугообразных металлических балок, образующих правильный круг, влезающий сплошь наружу. На центральном узле установлено стальное кольцо. Вертолетный обод поставлен на стойки из труб, не стоящих на стойках высоты в 3—4 метра.

Это и есть каркас висячей крыши. Осталось только наложить на него изогнутые плитки трапециевидной формы, уложившиеся стык в стык, закрывающие все внутреннее пространство материала — и здание готово. Пятьсот квадратных метров.

Использованы высокопрочные стальные тросы, сотрудники одной из лабораторий научно-исследовательского

инstituta бетона и железобетона создали конструкцию из стальных тросов, имеющую форму кольца, в котором наружное бетонное кольцо «работает» на сжатие, а стальные тросы (бонги) в наружном кольце, наложенном на наружную грузку приходится на колонны, стоящие по периметру.

В другом варианте предложено сотруднику этой же лаборатории, предсматривающему один из трех вариантов монтажа, на себе все нагрузку, тогда наружные бонги, расположенные в виде кольца, получат амбразурное назначение.

Опытные сооружения этого типа находятся на территории института подтверждают жизнеспособность новой конструкции.

Недавно под Москвой, в

ПРИЯТНО С ПОЛЕЗНЫМ

80 студентов четвертого курса Воронежского педагогического института прошли практику в комбинате по биогеографическую полевую практику на маршруте Воронеж — Орджоникидзе. Они ездили поездами, паромами, на машинах, на автомобиле и много километров шли пешком.

За тридцать дней студенты сняли ли по географии, сняли гербарии, вели геологические раскопки. В Балакирево-Балакиревы оказались в Царицком ущелье. Фотокорреспондент И. Сашин, фотографировавший студентов, не за работой, а в свободной игре, на трех километровой высоте Царицкого ледника.

П. ВЫСОЦКИЙ

районе станции Михнево, начато сооружение опытного плавающего моста. Для этого на основе оболочечных-крышами таиной конструкции покроют машине нефтепрерабатывающей установки, здание корабли, свинцовые и другие суда. Благодаря применению селекционизированные сооружения, в том числе краны, можно использовать и при постройке стадионов, летних кинотеатров, плавательных бассейнов, плавательных бассейнов в зонах отходов и т. д.

Такой проект висячей крыши диаметром 270 метров, причем исследования пока показывают, что это единственный в своем роде предел. Кто знает, может быть, такую висячую крышу возвели на вооружение и начали даже с проектом привозить заводских или фабричных цехов...

С. МАРИЕВ

ЗВЕЗДНЫЙ ПЕРЕКРЕСТОК

Ярослав ГОЛОВАНОВ

Рисунки А. ГРИШИНА.

Дверь самолета распахнулась, и в ее оконце показался человек. Ниже среднего роста, в обычной серой шинели, он спустился по трапу и зашагал по красной ковровой дорожке к трибune, увитой зеленым лавром. Стол в толпе репортеров на платформе «чайханы» — как прозвали журналистам огромную двухэтажную металлическую стаканку, специально построенную для них во Внуковском аэропорту, — заметил, что в эти первые мгновения не было слышно криков приветствия, аплодисментов. Все это было позади, а сейчас люди смотрели. Тысячи глаз, сотни камер, десятки иностранных послов, киногреператоров, фотографирующих с опушками, взоловленных москвичей с букетами и цветами, шумных мальчишек, преодолевших усиленные кордоны милиции, — тысячи глаз смотрели в лицо человеку, идущему к трибуне, в это простое русское лицо, и старались, и не могли понять всей огромности того, что он совершил, — человек Земли, вернувшийся из Космоса.

Полет Юрия Гагарина будут посвящены сотни книг. Этот полет изучают и станут долго еще изучать не только ученые и инженеры, но и экономисты, социологи, политики. Им тоже есть что подсчитывать, сопоставлять, сравнивать, «Восток» и его пилот снова заставят мир задуматься о чудесном и необыкновенной силе, присущей страну лучин и лаптей в родину первого в мире космонавта. И думается, помимо книг, посвященных полету Гагарина, откроются маленькие брошюрой — «Космосток. Коммунистическая партия, созданная за давние годы до того, как в семье разинского лесничего Эдуарда Чюлковского родился человек, имя которого навечно связано с каждой победой человека в Космосе».

Но не об этом пойдет речь. Полет Юрия Гагарина утвердил нашу веру в мечту, веру в то, что сбывается, казалось бы, несбыточное, — веру в наше будущее. Смоленский мальчишка, ученик ремесленного училища, рядовой летчик по 108 минут обнял Землю, навеки вписав подпись нашего народа в историю человечества.

...Человек в простой шинели шел по красной дорожке. Блестя на солнце медью фанфар, гремел оркестр. Он испыпал старый, всем известный марш: «Мы рождены, чтобы сказку сделать былью, преодолеть пространство и простор...»

Что дальше? Шеститонный спутник был, лунный «затылок» сфотографирован, проложили дорогу к Венере, человек поднялся на высоту более 327 километров. Какие миры откроются нам завтра?

Делать прогнозы в науке не рано: когда идешь быстро, смотришь дальше вперед. И этим заняты не только и не столько журналисты, сколько ученыи. Такие прогнозы полезны. Полезны и в том случае, когда грядет нечто с фантазией. Потому что и в этом случае они защищают работу человеческого мозга, дерзать, пробовать, ошибаться и снова пробовать.

«Напрасно думают, что она [фантазия]. — Я. Г.] нужна только поэту. Это глупый предрасудок! Даже в математике она нужна, даже открытие дифференциального и интегрального исчислений невозможно было бы без фантазии. Фантазия есть качество величайшей ценностии!» Это слова Ленина.

Заглядывать в будущее нужно. Не нужно только вбивать там зияющие ступени. Будущее превращается в настоящее, и часто тогда тако ступи рассыпаются в труху. В июне 1958 года не какой-нибудь хмельной репортер, а начальник Управления исследования и совершенствования при штабе военно-космических сил США генерал-лейтенант Самюэль Андерсон заявил в Мицубиши, что в августе, сентябре и октябре 1958 США пронесут три запуска ракет на Луну, которые, достигнув поверхности, будут взрываться. Правда, то сообщают о своем падении. Но вот уже август 1961-го, а об американских лунниках что-то не слышно. Велика Луна, но сколько ни пиши, ничего взмывшего, кроме выплевов с гербом СССР, там не найдешь...

Если внимательно посмотреть уже осуществленную программу советских космических исследований, легко заметить три основные звездные дороги, по которымшли советские ученые и инженеры. Запуски искусственных спутников Земли, все более совершенных, все более тяжелых; посыпки автоматических станций к другим небесным телам, и, наконец, биологические опыты на вертикально стартующих ракетах и кораблях-спутниках, венцом которых стал полет человека в космическое пространство. Куда же ведут эти дороги?

Результаты даже самых первых исследований космического пространства вызвали настоящую революцию в науке. Оказалось, например, что Землю окружают два гигантских «бульбушки» заряженных частиц — пояса радиации. Быть может, говорят сегодня некоторые ученые, Меркурий, Венера, Земля и даже Марс вращаются в атмосфере Солнца — в гигантских вихрях заряженных частиц, которые при взаимодействии с магнитными полями планет и образуют пояса радиации. Так ли это? Ответ на этот вопрос дадут полеты будущих спутников.

До 1958 года были беспристрастные научные боя между пессимистами, уверявшими, что полеты в Космосе невозможны, так как метеоры уничтожают любые заблуждения корабли, и их оптимистично настроенные противниками, считавшими, что метеорную опасность не следует преувеличивать. Расчеты показывали, что удар метеора весом в 20—30 граммов, летящего со скоростью 30—70 километров в секунду, может мгновенно пробить стенку космического корабля и вызвать взрыватель.

Однако сам факт полета спутников и космических кораблей в течение многих дней и месяцев убеждает в том, что оптимисты оказались правы: крупный «метеор-разбийник» не так уж часто встречается на звездной дороге. А третий наш спутник прислал на Землю точные данные: на высотах 1 700—1 880 километров мы отмечено наибольшее число встреч с метеорами и синтетическими спутниками Вселенной, таинственные метеоры не встречаются. На каждую единицу времени полета спутника приходится сколько-то «затрачено» 22 микрометеора. На высотах 1 300—1 500 километров и 500—600 километров было зафиксировано соответственно 10 и 9 таких столкновений. А что ждет нас выше? На этот вопрос ответ дают полеты будущих спутников.

Полеты будущих спутников... Они нужны не только для того, чтобы продолжить уже начатые исследования, но и для того, чтобы создать нечто принципиально новое.

Спутники-связисты обеспечат надежную радиосвязь с самыми отдаленными точками земного шара. Они позволят осуществлять видеомирного телевидения без прокладки радиорелейных линий и цепочек приемно-передающих телевизионных башен.

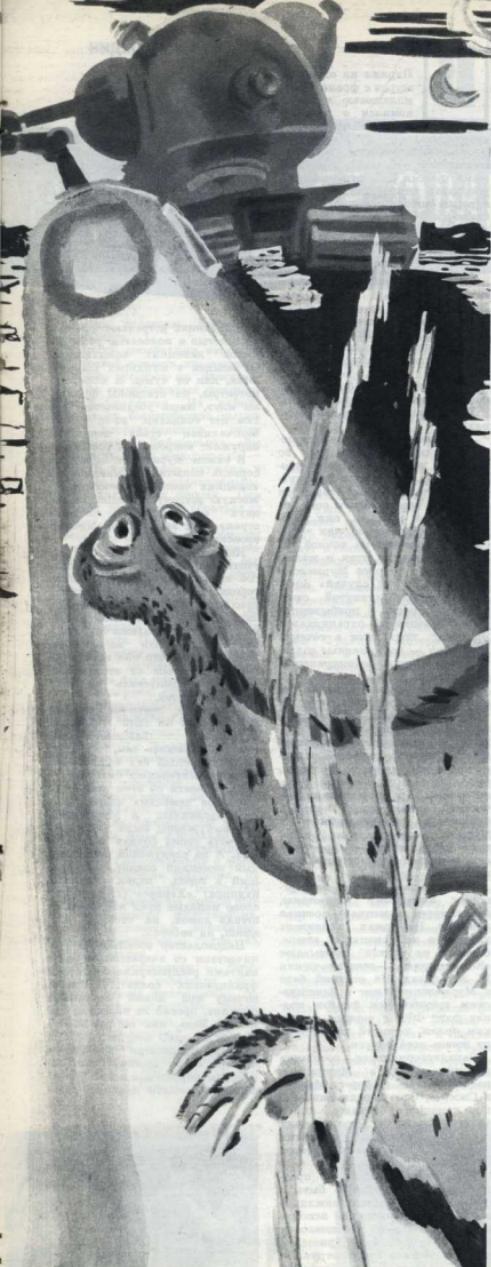
Спутники-метеорологи в самые жесткие сроки смогут дать своим «земным коллегам» уникальные по точности сведения. С их помощью слухи погоды и ледовитые созвездия охватят не только материну, но и гигантскую материнскую планету.

Спутники-astrономы освободят, наконец, звездную оптику от извечного «блеска» атмосферы, апертуры позволяют телескопам увидеть небо, не подернутое зыбкой стеною воздуха.

Спутники станут в будущем первыми «кирпичами» грандиозного космического строительства. Автоматические и обитаемые лаборатории, опытные орбитекеры, вокзалы планетолетов, а затем и звездолетов — вот завтрашний день сегодняшних искусственных спутников Земли.

Первый «полет» на Луну был совершен восемнадцать веков назад, в 160 году нашей эры легендарным Одиссеем. Страшная буря подхватила его корабль и подняла над морем. Ветер все выше и выше увлекал его, и семья дяди мореплавателя не знали, что их ожидает. На восьмой день они достигли Луны.

Лукиан Самосатский, описавший этот путешествие, назвал свою книгу «Истинные истории». Для него, конечно, не было такой истины, потребовалась смесь Галилея, муми и веры Джордано布鲁но, гениальной дерзости Коперника. Путь к Луне лежал через каземат Петровской крепости, на стенке которого Николай Кильбальчич нацарапал

первый проект ракетного летательного аппарата; через солнечную Калугу, в одном из домиков которой горел огонь великой мечты; через бронированную палубу «Аэродрома» эзбий осенью 1917-го. И сегодня на Луне — выпал СССР. Сегодня в книжных магазинах вы можете купить чудо: атлас обратной стороны Луны. Вряд ли надо рассказывать о том, какое это чудо.

Чем лучше узмён мы нашу небесную «соседку», тем труженее приняться с мыслью, что она еще продолжает скрывать от нас свои тайны. Ведь даже на видимой с Земли стороне Луны, доступной не только телескопу — простому театральному биноклю, ученые отмечают явления, которые не укладываются в рамки классических астрономических понятий. Какова природа так называемых кратеров-фантомов, кратеров-призраков, не дающих тени и словно просвечивающих через поверхность лунных морей? Что представляют собой загадочные белые лучи, разбегающиеся от подножия кратера Тихо? Они тянутся на сотни, а иногда на тысячи километров, через горные цепи, моря, цирры. Какая неведомая сила заставляет эти лучи изгибаться вдоль кратера Штернера, когда на них наползают тени Земли во время лунных затмений? Двигаются ли не дне цирков Эратосфен и Платон загадочные зевенообразные скопления или наблюдателям это перемещаются?

Наконец, есть ли жизнь на Луне? Пусть самая примитивная, представленная бактериями, вирусами, спорами! Известный советский микробиолог, член-корреспондент Академии наук СССР Александр Александрович Имшенский считает, например, что живые организмы могут существовать не только на Луне, но и в условиях межпланетного пролета.

Слова клоди полетят на Луну уже не вызывают недоверчивых улыбок. Одни из лучших романов писателя-фантаста Александра Казанцева, «Лунный поезд», рожают давиды чудесного гоголезда Думя, и наяву остается научно-фантастическим. Недавно вышел в свет новая работа писателя «Лунная дорога», научно-фантастическая повесть, в которой рассказывается о первой лунной экспедиции. Не знаю, когда отпечатают люди первые следы в пыльных лунных морях, но думаю, что «Лунной дороге» не удастся двадцать четыре года числиться в списке фантастических книг: великий «корректор» — прогресс советской науки — исправит подзаголовок.

Но прежде чем на Луну опустится пилотируемая ракета, на ней побывают приборы. Ученым предстоит разработать различные варианты «мягкой» посадки на Луну, создать специальную телеметрическую аппаратуру. Быть может, вслед за приборами полетят собаки, и на них проверят специалисты методику возвращения с Луны на Землю.

Наполеон Бонарпарт был недоволен Венерой. По словам знаменитого астронома Доминика Флориана Араго, это блестящее на дневном небе звезда Венера отдавала парикам от созерцающих земной вылазе императора во французскую столицу. 12 февраля нынешнего года Венера не была видно днем. Но ее искали. Искали и парижанки, и пекинцы, и москвичи. В этот день усовершенствованная многоступенчатая ракета вывела на орбиту тяжелый спутник, с которого стартовала управляемая космическая ракета. Она несла к Венере автоматическую межпланетную станцию. Так начался первый межпланетный речь.

Если мы говорим о загадках Луны, то Венера до самого недавнего времени была сплошной загадкой. В телескопе зори Венеры напоминает пластина свечи на сковородке: все колеблется, все зыбко и непреподобно. Поверхность планеты скрыта под толстой пеленой облаков. Их несущие темные пятна проступают сквозь эту пелену. Оканвы! Материя Затемненной стороны планеты светится слабым пепельным светом. Почему?

В мае этого года мир облетело сенсационное сообщение Академии наук СССР: произведена радиолокационная разведка Венеры. Сотни лет астрономы разных стран отводили от усталых глаз округлы телескопов, чувствуя свое беспессие: атмосфера не давала возможности установить период ее вращения вокруг своей оси. Теперь мы знаем, что сутки Венеры равны 10 земным, знаем, что отдельные участки поверхности ее обладают различными коэффициентами отражения радиоволн. Мы узнали из этого короткого сообщения очень много, но далеко не все.

По мнению некоторых специалистов, Венера переживает земной каменноугольный период. Советский астроном Козырев обнаружил, что в атмосфере Венеры присутствует ионизированный азот. Англичанин Вильдт считает, что из ее облаков должны пропаивать пластмассовые дожди, а француз Довиль пытается доказать, что облака эти состоят из нитрата аммония. Загадки, загадки, загадки... Невольно завидующий участникам первой экспедиции на Венеру: перед ними открывается мир совершенно неизведанный. Но так ли это?

Так же, как и при изучении Луны, Венера, очевидно, «пройдет полный курс космической подготовки». И перед стартом первой экспедиции мы уже смело можем писать о Венере без такого количества вопросительных знаков, как сейчас.

Марс — самая «популярная» планета. С ее именем связаны для нас и бесконечные споры вокруг таинственных каналов и извечных вопросов: есть ли жизнь на Марсе? (Поломительно ответить на который, вероятно, можно было и до блескящих работ Гаррирса Адольфа Тихо, он говорил об «изменчивости и пропаечиваемости живых организмов к условиям среды».)

Фантазия Герберта Уэллса породила марсиан — чудовищ, хладнокровно уничтожающих людей Земли, а Алексей Толстой на тонкай позней Азии показал единоборство закона социального развития общества на любой планете. Может быть, это субъективно, но мне кажется, Марс как-то ближе нам, землянам, чем любой другой огненек на куполе ночного неба. И не только потому, что о нем много спорили и писали...

Да, там сибиряют семидесятиградусные морозы. Да, в атмосфере Марса ничего мало кислорода. И все-таки очень трудно расстаться с мечтой найти на этой суровой планете братьев по разуму. Может быть, из-за этой мечты, именно мечты, а не надежды, он и близок нам, Марс. В день, когда был запущен наш третий искусственный спутник Земли, мы сидели, беседуя с академиком Седовым.

После встречи Марса с Землей, рассказывая тогда Леонид Иванович: «Можно уже сегодня всерьез говорить о посылке ракеты на Марс. Я думаю, его тайны, волнившие людей так много лет, доказывают последние годы. Мне кажется, что полет на Марс будет осуществлен не позже чем через десять лет...»

Прошло три года после этой встречи. И когда сейчас я вспоминаю о ней, то думаю, что вклады были очень осторожен в своих прогнозах.

На столе — небольшая пачка фотографий «человека-звезды», там называла Юрия Гагарина одна зарубежная газета. Вот он в скайфандре и белом шлеме, чем-то похожий на мотогонщика перед стартом. А вот улыбающийся спускается по трапу вертолета — позади заблестчивое круглое пшествие. А вот другая фотография: Юрий, задумавшись, стоит на краю речного обрыва. Еще не сошел лед, еще голы ветки деревьев... Первый раз за тысячу лет цивилизации — от пирамид до наших дней — человек вернулся на Землю.

Трудно об этом писать. Каждый по-своему воспринял полет Гагарина. Для одних главным, всеобъемлющим стал его голос из Космоса, приглушенный треском атмосферных разрядов; для других — ульбка на экране телевизора, для третьих — сухие и торжественные строки официальных сообщений.

Даже не искушенному в технических вопросах человеку ясно, что полет это — грандиозная научно-техническая победа. Создать надежную многоточечную ракету, способную поднять корабль-спутник, решить сложнейшую задачу ее ориентирования в пространстве, без которой невозможен спуск, обеспечить на Земле земные условия для его пребывания — это грандиозное поистине исполнительское задание! огромный труд сотен и тысяч людей: конструкторов, инженеров, математиков, химиков, металлистов, приборостроителей, специалистов в области радиоэлектроники.

«Взял на космический полет 12 апреля 1961 года давали не только инженеры, но и биологи. Давно начались подготовка к нему. Десять лет назад в небо умчались наши первые «боятываемые» ракеты. Четыре наддать собак стартовали тогда в специальных герметичных кабинах, двадцать — в негерметичных. На них надевали скайфандры. Обширной была программа исследований, много интересовало ученых, но главным среди всех вопросов был один — невесомость.

В центрифуге можно было имитировать перегрузки, возникающие при разгоне и торможении ракеты. Можно было построить вибростенд и создать шанс, чтобы колпак ракеты, работающей. Можно было, на конец, подвергнуть подопытных животных искусственному радиационному облучению, биноклем по своей природе к радиации верхних слоев атмосферы. Все это можно было сделать на Земле. Но нельзя было создать невесомость — стихию Космоса.

В вертикально взлетающих ракетах собаки «плывали» и «плывали» в кабинах всего шесть минут. Они возвращались на Землю веселыми, здоровыми. На смешной общественный соображениям в 1952 году пришли протоколы опытов. Как и подобает в протоколах, скжимы, четкими были формулировки: «В условиях динамической невесомости не было отмечено изменений, которые дали бы основание считать, что этот необычный для живых организмов факт вызывает резкое расстройство функций животных».

Да, но необычный факт вызывал всего шесть минут... И в полет отправляется Лайка. Считают уже не на минуты — на десятки часов. Опасения не оправдались: к длительное состояние невесомости не нарушало само по себе основных процессов жизнедеятельности. Стало ясно: здоровью первого звездолетчика не угрожают ни радиация, ни перегрузки, ни отсутствие силы тяжести. Но опыты продолжались.

Лайка была первой из семи четырехорогих космических путешественников. В лабораториях появилась новая порода «межпланетных дворняжек» — опробовались системы приземления. Последние опыты прошли в марте. Черниушка и Звездочка, обители Земли, вернулись невредимыми. Теперь все было готово.

Работники космической ракетной биологии, работали и те, кому предстояло совершил этот полет. Они привозили для него пакеты кабинны корабля-спутника, кружились в башенной куртске, пальто, падали в головную бедну с парашютом за плечами. Их груди, вспыхивали вспышками, пискнули вены с ними долие и хитрые беседы. Их было не мало — простых, сильных, веселых советских ребят. Лететь хотели все. Но они знали: кто-то будет первым. Вернее, не кто-то, а самый достойный. Они знали это и, наверное, завидовали ему хорошей звезды дружбы. Знали они и другое: человек делает первый шаг в небо и все еще впереди. И всегда будет впереди, потому что у неба нет конца.

Год 1961-й. Звездный перекресток: искусственные спутники, межпланетные станции, пилотируемые корабли. Деление чисто условное. Ведь Гагарин летал дорогой спутнику. И автоматическая станция, сфотографировавшая обратную сторону Луны, тоже была спутником нашей планеты с невидимо вынутой орбитой. А вслед за автоматическими станциями к небесным телам полетят человек и построят свои спутники, подобные Фобосу и Деймосу. Звездный перекресток... Вдаль уходят дороги. И там, вдали, все они сливаются в одну сказочно прекрасную дорогу человеческого счастья, счастья мира.

Париже на одной из встреч с французской молодежью я познакомился с сержантом, служившим в части, квартированной в Мурмелоне. Это был совсем молодой, светловолосый, с большими темными глазами, руками рабочего человека, рассказал подробности мрачной истории нового немецкого нашествия на Францию. Узнав, что я журналист, он просил не сообщать его имени.

Кое-кто из наших политических деятелей любит кичиться величием Франции, — грустно сказал мой новый друг. — Но о каком величии можно говорить, если мою страну вновь отдают на пороги немецкой военщины, а мы должны забыть прошлый? А как ее захватили, когда родители многих переправивших французских солдат были убиты немецкими оккупантами, утены в Германию, сидели в концлагерях!

Первые части аденauerовского бундесвера появились в Франции в начале ноября прошлого года. По просьбе французских властей, которые стараются поменьше афишировать союза со вчерашними врагами, они пересекли границу ночью, как воры. Однако, несмотря на почтную покровительство и железнодорожных станций Мурмелона были на немецкий случай оценены пропагандисты, которые солдат со всей округи, и привлекавшие ранко немецкими охранниками. Эшелоны подходили в течение всей ночи — вооруженные солдаты, автомашины, бронетранспортеры, танки.

Во главе немецких войск постоянно ворвались вчерашние нацисты, чувствующие себя на Франции, как дома. Полковник Ширмер, военный преступник, командовавший первой колонной западнонемецких войск в Франции, был здесь в годы второй мировой войны. Другой полковник — Филипп, командующий частями бундесвера, появившимися в Мурмелоне весной этого года, — тоже познакомился с Францией еще в период французской оккупации.

По улицам городов, подвергшихся немецкому нашествию, патрулируют немецкая военная полиция. На домах появились указатели на немецком языке. Стелы на стенах указывают «Командование» — толь-то-вчера как 17 лет назад. На воинской базе в Мурмелоне рядом с французским трехцветным флагом, поднят флаг ФРГ в черном немецком флаге, который кинул тень на лица всех оккупантов.

Западногерманские воинские части, воинства базы в Мурмелоне, расположились на берегу Марны, в Сисонсе, близ города Биши. Сапог немецкого солдата снова тонет в мостовых французских городов, гусеницы немецких танков, опять теряют землю солнечной Шампани.

Немецкое командование предписало своим солдатам быть с французами предельно вежливыми и общительными, не вспоминать старого и по возможности сдерживать свои милитаристские эмоции. Однако эта инструкция ничего не дает. Солдат бундесве-

ТУЧИ ИЗ-ЗА

ра на улицах встречаются французы, одетые в полосатые рубы узников немецких концлагерей. От немецких мундириков шарахаются, как от чумы. В кафе, кинотеатры, на стадионы французы идут, лишь убившись, что там нет солдат из-за Рейна. Молчаливая стена ненависти окружает непрощенных гостей.

В самой Мурмелоне молодежь сорвала попытку командования немецких частей устроить «дружественное» мероприятие молодых людей двух союзных и союзных стран», как выражались администраторы.

Немецкое командование рассчитывало прислать взвод-группу своих солдат на ежегодный городской бал, который всегда проходил у молодых французов как большой и радостный праздник. Однако молодежь Мурмелона, поддернутая всем гордом, заявила, что она готова вообще отказаться от этого бала, лишь бы не допускать на него немецких гостей.

Юноши и девушки решили не пускать на праздник «немецких «боецбандитов», воспользовавшись тем, что взвод немецкий был там только по приглашательным билетам.

Когда вести об этом дошли до офицеров немецких частей, расположенных в Мурмелоне, они вынуждены были в тот день запереть своих солдат в казармах. А на следующий день каждый немецкий солдат, выходящий в город, видел крунные надписи: «Херасус («Вот»). Эти слова молодые руки написали на стенах домов, на стенах для автомобилей, заборах.

Немецкие воинские сотрудинчики со вчерашними оккупантами распространены среди французских солдат. Я понял, почему мой новый знакомый, сержант, просил не называть его имени. Ведь, как он рассказал, только за одно неосторожное чести офицеру бундесвера полагается четвертый срок ареста! При повторном нарушении этого приказа, объявленного недавно фран-

РЕЙНА В НЕБЕ ФРАНЦИИ

цузским солдатам, наказание усиливается.

В места дислокации непропечных гостей попасть невозможно. Туда не пускают ни иностранных, ни прогрессивных французских журналистов. Из района Мурмельона бесцеремонно выдворили корреспондентов газет «Юманити» и «Люксарс». «Вы и ваши матери недостойны», — гаркнула им в лицо служака и приказала своим подчиненным: «Выгнавшие отсюда! Они должны немедленно убраться из лагеря».

Однако правда и подробности о новой немецкой оккупации военных областей Франции быстро распространялись по стране.

В один из дней, проходя по улицам Амьера Руссей, что находится рядом со зданием мэрии 15-го округа Парижа, я увидел группу французов, внимательно читавших какую-то бумагу на стенах здания французской компартии, которая привозила соотечественников к близости в связи с тем, что правительство Франции допустило размещение в стране военных баз западногерманского бундесвера. Крупные красные буквы издавали: «Тревога! Немецкие милитаристы снова на нашей земле. Ниццах, западногерманских баз на французской территории!» За этим следовало воззвание к бывшим участникам движения Сопротивления и фронтовикам, жертвам фашизма, ко всем французским патриотам разразить широкую борьбу против германского милитаризма, против размещения новоявленных оккупантов из-за Рейна на земле Франции.

Рядом с воззванием — фотографии совсем недавнего прошлого: руины французских городов, группы казненных гитлеровцами патриотов. Тут же — наглая физиономия одного из этих палачей, военного преступника, эсэсовца Леммердига, руки которого обагрены кровью французов. Однако милостью

французских властей Леммердиг отпущен на свободу в знак «альянтической солидарности» со вчерашними врагами.

Среди читающих — два школьника. Они знают, что такое война, но рассказывают своим родителям, которые не страдают потерей памяти, как иные государства мучили народы.

Троица мужчин, у одного из них — колодка потерпевших отеческих ленточек, стоит с давно потухшими сигаретами и, кажется, уже не первый раз перечитывает воззвание. Тот, у которого одренские ленточки, скимает носки.

Подошло еще несколько человек, в их глазах — гнев и тревога. Неужели забыты жертвы нацистских немецких захватчиков? Неужели преданы забвению призымы лучших сыновей дочерей Франции, которые перед казнью в гестаповских застенках заслонили оставшиеся в жизни единицы всех, чтобы физиономия была уничтожена, чтобы Германия никогда не могла урожать из них родин?

Нет, простые французы ничего не забыли. Об этом говорят хотя бы нескончаемые очереди у кинотеатров (песня редкое для Парижа явление) в дни, когда там шел документальный фильм «Майн кампф».

Да, название этого фильма действительно взято из хрестоматии фашизма — книги Гитлера «Моя борьба». Шведский режиссер Эрнест Лейзер с группой коллег-антifaшистов назвал фильм «Гитлер». Он считал, что фильм показывает всем звериный облик немецкого фашизма, все преступления отого рабийнического режима.

Фильм целиком построен на собранных по крупицам кинодокументах. Перед зрителем проходит вся история немецкого фашизма, начиная от сборщиков в монхенских кабаках и кончая разгромом гитлеровской Германии и взятием Берлина советскими войсками: террор, еврейские погромы, расправы с прогрессив-

но мыслящими людьми, уничтожение культурных ценностей, милитаризация страны, разгул шовинизма, зойна.

На экране — гитлеровский «новый порядок» в оккупированных странах Европы. Редкие кинематографические изображения гестапо, раскрытие жутких картуз гитлеровских застенков: массовые расстрелы, уничтожение людей в крематориях, убийства в душегубках, горы трупов.

Кинокадры, отсытые плачами для «учебных целей» в еврейском гетто Варшавы и находившиеся в личных архивах Гиммлера, леденят кровь: вот последний конвульсион умирающего от голода человека, увиденный покрытыми струпьями, ползающими по земле детьми. А вот стремительный разрыв уничтоженного дверей тела, полное горючего.

Возле демонстрации «Майн кампф» звались были переполнены, то и дело раздавались истошающие вскрики, многие плакали. Ведь картина показывала то, что люди пережили совсем недавно.

По требованию Бонни французские власти не раз снимали эту картину с экрана. Но стоило названию «Майн кампф» исчезнуть с афиши одних кинотеатров, как фильм начинали показывать в других, всего через несколько кварталов.

* * *

На кладбище Пер-Лашез рядом со Стеной коммунаров покоятся прах тех, кто отдал свою жизнь за свободную Францию. В дни, когда из-за Рейна во Францию вновь премиравшись немецкие батальоны и начали «мирную» оккупацию, здесь, не могли расстремленных подпольщиков из Мон-Валеренса, появился букет цветов с надписью: «Плачущие возвращаются снова. Но пролитая ими кровь не забыта. Мы продолжим сражение. Ваш подвиг ведет нас к победе. Да здравствует Франция!»

Побывав во Франции, я убедился, что французский народ, как бы ни распоряжались за его спиной официальные власти, призывающие забыть трагедию прошлого, не может смириться с присутствием на своей земле иностранных захватчиков. Волна демонстраций прокатилась по стране: «Нет — перевооружению Гитлера!», «Долой германскую базы!», «Все бундесвер на Франции!» — требовали участники митингов, собраний, траурных шествий и могилам погибших патротов.

Во Франции я видел комсомольцев, помогавших своим старшим товарищам распространять газеты и листовки, разоблачающие новую немецкую оккупацию, видел юношей и девушки, которые расклеивали плачевые, призывающие протестовать против размещения бундесвера в их стране.

Массовую манифестацию против новых немецких уголовных законов, против гитлеровских пропагандистов настроенных профессоров и промышленников крупнейшего в стране Сорбоннского университета, поддержанные почти всеми студентами этого учебного заведения.

В большом университете дворе — не одна тысяча студентов и преподавателей. Здесь собралось много молодежи, но не было слышно шуток, смеха, так присущего молодости, не видно ни одной улыбки. Лица серьезны, все с непокрытыми головами. В тишине, как клятва, звучат слова воззвания, которое читывает профессор факультета права Оресте:

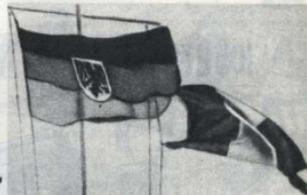
«Противники духа движения Сопротивления мы не можем справляться с перевооружением Германии... Мы протестуем против предоставления на французской территории военных баз бонинскому правительству, которое поддерживает территориальные притязания революционистов и является защитником разногуенных действий бывших нацистов... Мы призываем всех честных французов поднять свой голос протеста против немецких баз во Франции».

И так было повсюду. Шесть тысяч человек в парижском пригороде Иври, столице же в городе Конье, митинг в Лозанне, где двух тысяч манифестирующих в Орадуре. Так отвечает французский народ на «мирную» оккупацию территории своей страны бундесвером.

Париж — Москва.

Листочки с приветом борются против размещения германской армии в земле. В улицах Мурмельона бывшие узники гитлеровской концлагерной, по-ласкательски лагерные «одежды» предупреждают о новой опасности.

Слоганы немецкой военщины снова топчут французскую землю. В песнях аденазуровских солдат слышится новая угроза миру.

КЛУБ ЮБИТЕЛЕЙ ШУТКИ

— КАКОЙ СОН! БУДТО ВЫ Я УЖЕ НА
ВЕРШИНЕ...

**Рисунок Н. ОФФЕНГЕНДЕНА
(по теме Н. БОГДАНОВИЧА).**

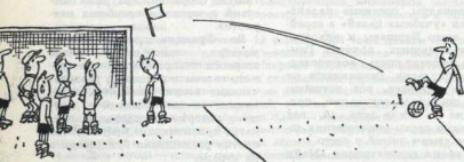

Рисунок Р. ОВИВЯНА

— ЗДЕСЬ ТОЛЬКО ЧТО СТОЯЛА МОЯ
МАШИНА?

— СВИЧАС ЖЕ ПОЛОЖИТЕ
ШПАРГАЛКУ НА СТОЛЦ

Рисунок Ю. ПОЛУПАНОВА
и А. ФЕДОРОВА

B. KUKANOV

ХАВАК

Говорят, сороки падки на все блестящее. Ни одна будто бы не пролетит равнодушно мимо сверкнувшей на солнце стекляшки.

За сороками-то мы замечаем! Но сорока попрыгает бочком вокруг стекляшки, покосится на нее то одним, то другим глазком-бусинкой и, довольная, летит дальше. А человек, как известно, глазам не верит!

Новине Казарцевой совсем ни к чему был этот алюминиевый нательный крестик. Воспигана она в атеистическом духе: ни в бога, ни в нечестивую силу не верит. Но этот религиозный атрибут так остро смигнул в траве у дорожки, что она подхватила его и принесла на работу.

— Смотрите, какой забавный крестик я нашла в сквере! — похвасталась она перед сослуживицей, соседкой по столам. — Неужели еще есть чудаки, такие штуки носят?

— Раз делают, значит, носят,— рассудительно отзывалась соседка.— Чудаков много на свете... А подняла ты его, матушка, зря.

— У двадцатилетней «матушки» рука с крестиком заметно дрогнула.
— Почему?
— А потому! — Добродушное лицо соседки сделалось пророческим.— Старые люди сказали бы, что ты подняла на себя чужой крест. Пони-

— Ну, конечно, чепуха,— согласилась соседка.— Кто я испугалась. нынче верит

приметам? Все стали грамотные... Ну, а все-таки, может быть, его специально подбросили, чтобы с души тяжесть сняты? Со своей, значит, снять, а на другую переложить. Люди хитрые, так и воровят съезутичи-
чать.

— Да глупости это, Мария Васильевна, что вы какие вещи говорите! Просто смешно. Это же — «сувенир»!

— И я говорю, сувенир. Что же я, из ума, что ли, вымыла! Я сама крест не хочу и в церковь не заглядываю... Просто сомнение берет. Знаешь, ведь хороший в нас в жизни немного бывает, а плохое тоже валится. А тут еще какие-нибудь чужие неприятности. За дарами страшиться — кому это надо? Не веришь — не верь, а в руки не бери. Надежней будет!

— Ну что за ерунда! — уже возмущалась Нонна и бросила находку в ящик стола. — Человек в космосе побывал. И никаких ангелов и Олимпсов там не увидел, а вы «все-таки, все-таки»! Просто стыдно слушать!

Соседка виновато покачала плечами и усмехнувшись затянула старенький ариметром. А Ноша ввалилась в философскую мельницу.
«Ой, как живучи пережитки! Как глубоко сидят они в некоторых! — удивлялась она, заполняя технические карточки. — Тоже придумают! Какой-то разиния потерял крестик. Пусть даже специально подбросит с тайской мыслью. Ну и что? Каждо это может оказать влияние на судьбу другого человека! Аломиний в этот крестик такой же, из какого делают ложки. Так же его штампуют во прессе. Откуда в нем появится сверхъестественная сила? Умрешь от смеха! И почему на меня должны вдруг вальзаться чужие беды? Нужны они мне! Кому они пред назначены, тот пусть им и пользуется. А в других нечего перевальывать. Ах, плюют и забывают...»

«Но крестик помнитно напоминал ей о себе. Как ни выдвигает ящик стола, он лежит там и загадочно поблескивает. «Действительно какой-то странный. Зловещей... Да на него к боку в рай! — мысленно наконец Ноиня. — Пойду домой, выброшу на том же месте, где нашла, и конец всем этой муты...»

— Так она и сделала, когда шла с работы. Крестик сверкнул на лету и упал в траву у края дорожки.

брюках «грузик из Сан-Франциско» показал ей, куда упал крестик.

Молодой человек самоутвержденно ринулся на поиски.
— Нет, нет, я сама! — вскрикнула Нонна, похолодев. Она опередила

«Стыдна несчастный! — ругнула она мысленно молодого человека, когда отдалась от него. — Просыпайтесь! Надо, так взял бы скоприну себе. Если, конечно, своих неизречимостей мало... Так, пожалуй, от крестика не избавишься. Надо во что-нибудь завернуть...»

Онища порылась в сумочке и нашла там старую книжницу — пласти-

а когда-то за телевизор. Алкадратно завернутая крестик, она оглынулась по сторонам в поисках ушей. Поблизости не оказалось ни одной. Таких гениев улица была чиста, как на архитектурном плане. Монументом этой чистоты стала на пути Нины солидная дворничиха с метой. Она как будто разгадала замысел девушки и следила за ней настороженным взглядом. А ну, попробуй насори!

«Никак не отдалась от этой находки! Вот дура я ненормальная, схватила на свою голову! И зачем он мне был нужен? Будто подкараули-

ДЕНЬ

вал меня! Куда его деть? Сейчас зайду за почту послать Альке Истоминой поздравительную открытку с днем рождения, может, удастся там где-нибудь остановиться.

С почты она ушла без своей находки. И только тут облегченно вздохнула.

«Ну вот, и Альку поздравила и от этого привычного крестика избавилась. Как-то не думало стало спокойно. Конечно, все это бред сплошной, что говорила Мария Васильевна. А все-таки ни его!»

Нонна пометела как на крыльях. У метро ее должен был ждать муж. Всегда ей приятно видеть Владимира, как ее домогавшийся Вовка торчал столом отца с сестрой. Но это уже были совсем другие юношеские встречи. Она уже собиралась завернуть за угол к метро, но в это время смущалась чью-то прерывистое дыхание и жаждоватые тяжелорокки:

— Девушка... в полосатой кофточке! Задергайтесь на минутку!

Нонна сначала посмотрела на свою в сплошную полоску кофточку, потом со страхом оглянулась и увидела догонявшего ее седовласого старичка.

— Ух, упаришься! — проговорил он, еле переводя дух. — От почты бегу за вами. Наследу додавал. Ходили-то уж в те! Нет быкой развесить... Я напротив меня за столиком открыточку какую-то писали. Уши, смотрю, между разные бумаги скрепляли ватой из забытья. И завернуто что-то, может быть, ценное. Ах молодежь, молодежь, неизнанательный член Берии! Всшу потому и говорят спасибо старичку...

У Нонны не было отрицательныхничего такого, но, по мнению старика, никак не подходило для такого замечания. Благодарности. Он растерянно заморгал и перестал вытирать потный лоб. Но тут Нонна опомнилась и скрепила крестик с надписью старичка. Требуемое «спасибо» она промотротала уже за угол.

Неудача так опечалила Нонну, что она прошла мимо двух урн и не додогадалась бросить в них находку, жетную ей ладонь. Они поехали с Вовкой прогуляться в парк, и она всю дорогу молчала. На душу ей лег груз. Небольшой, может быть, немножком тяжелее самого крестика, но спущенный. Смущенное, тревожное предчувствие неотвратимых бед.

Нонной Вовка исповедовал объяснений.

— Ты же учишься в рабфаке, а я — в институте передирай?

— Не в работе дело. Глажность с скрепами, с тяжелым вздохом отвертила Нонна и рассказала мужу всю запою с находкой.

— Ты уж затяпешьте от спященного ужаса! — не почувствовала Вовка. — Наваждение, да? Эх ты, племянница сувенир и мракобесия! А еще портер Гапарин повесился на ступе. Дауй сюда твой крестик, да разверни на китайские же фамилии — засмеют.

Они в этот момент уже миновали главные аллеи парка и шли травянистой тропкой. Но краем уха слышали кустов то и дело мелкаяла люди.

— Вот смотри фокус! — сказал Вовка, поднимая для обозрения кулак с зажатым в нем крестиком. — Сейчас он здесь! Так? И вот — раз! — нет его!

Вовка вытащила руки из пиджака и несметенно разжал кулак. Через два шага он поднял расстопорченную шиферовую птичку, не отрываясь от манишного масла, и торжественно зарек:

— Видишь! Искис! Теперь не отпадешься! А через год приходи на это место, здесь выпадет два яблока.

Нонна приблизила лицо и немножко побеседала, когда убедилась, что никто их не догоняет. Но крестик не выходил у нее из памяти весь вечер. Даже засыпала она с мыслью: «Глупости все это. Но хоропо, что я от него отделалась. Вовремя ли только? Не спытал ли он уже свою роль?»

Утром, открыла пыльца, Нонна однозначно от ужаса. Смычала она подумала, что еще не проснувшись видят немецкий сон. Она тряхнула головой, во видение не исчезло. Примера перед ее носом на ступе у постели лежал вчерашний крестик и злодейка поблескивала: «А я здесь, вероломная!»

Если бы в этом месте сидел скорпион, рассердженная корча или — что может быть страшнее — мышонок, и тогда Нонна не вз坚持不懈 бы так отжигала.

На ее крик привбежал Вовка. За щекой у него бургирись неразжеванный кусок булки.

— Ты чего? Тебя режут? — озадаченно спросила он. Но, проследив за взглядом, вытаращенным от страха голубых глаз женщины, рассердился:

— Ну что панику подняла сувенирка! Худший предрасудок! Эт я поможу крестик. Стал чистить ботинки, смотрю, он за отворотом штаны влезти. Вчера туда скользнул. Руку близко к ноге держал, вот и... Ты чего? Ты куда?

Нонна не слушала его. Она сбросила одеяло, судорожно скрепила крестик со стулом и, подбежав к открытой двери блокмана, бросила его на улицу.

Вовка корчился от смеха, и Нонна захлопнула балконную дверь и подперла ее голым плечом.

Еще до десятилетия Нонна помнила, что мир материалов, а земля круглая и вертилась. Земное притяжение не даст крестику подпринуть обратно в комнату. Но можно ли этому верить, можно ли на это надеяться, она в тот момент уже не знала.

ШУТКИ-МАДОЧКИ

— Мама, помнишь, ты говорила, что если я получу четвернику, то буду гулять целый день?

— Помни, милый.

— Тогда можно, я погуляю только полдня?

г. Любим, Ярославской обл.

С. УШКОВ.

Живя по принципу «уважай ближнего, как самого себя», он уважал только себя как самого ближнего.

Н. ВОЛДЫРЕВ

п. Фрунзе, Крымской обл.

— Мама, а пигмалион — это сколько?

— Как, сколько?

— Ну, миллион — это много, а пигмалион еще больше, да?

А. КАЗАНОВА.

г. Пермь.

НА ЭКЗАМЕНЕ:

Профессор: — Почему вы нервничаете? Неужели вы боитесь моих вопросов?

Студент:

— Совсем нет. Я боюсь своих ответов.

— Отчего так получается: когда ни заайду в цех, вы всегда сидите и не работаете?

— Здесь так шумно, что я никогда не слышу, когда вы заходите, товарищ мастер.

В. ЯРЧУК.

г. Таллин.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

О двинущейся науке силе

Коно ученого спросили.

Поразил он и промолчал:

— Быстро динял спеси!

Ф. ФЕДОРЕНКО.

г. Москва.

Рисунок М. КАШИРИНА.

КРОССВОРД

**ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14**

По горизонтали:

4. Шаляпин. 7. «Камаринская». 10. Банан. 12. Дятел. 14. Нива. 16. Григ. 18. Поташ. 19. Сныть. 20. Хроника. 21. «Добыча». 22. Диагаз. 23. Антика. 25. Минск. 26. Патон. 27. Гурт. 28. Вена. 30. Динар. 32. Отель. 35. Куприяновский. 36. Куперта.

По-швейцарски*

- Канал.
- Дягиль.
- Тикси.
- Фазан.
- «Варяг».
- Баратынский.
- Леонидов.
- Нивх.
- Дина.
- Боровик.
- Анортит.
- Глинков.
- Страхов.
- Амур.
- Арино.
- Гарус.
- Аттич.
- Кончак.
- Спрут.
- Псков.

Составил В. ГАВРИЛОВ
(Москва).

В ТУРНИРАХ-14000 НОВИЧКОВ

Во втором туре нашей олимпиады участники выступали в роли организаторов и судей турниров начинаящих шахматистов. Судьи по присланным в редакцию турнирным протоколам определили, сколько пришли участников около 14 тысяч любителей шахмат. Более половины из них станут теперь разрядниками. Редакция сообщает, что официальные удостоверения о присвоении разряда будут высланы не позднее ноября сего года.

Жюри определило большую группу победителей второго тура олимпиады, которые удостоены высшей оценки — 20 баллов из 20 возможных. Только победители тура вовлекли в турниры более 5 тысяч новичков. Кто же отличился во втором туре олимпиады?

А. Адамов (из Приморского края), С. Абдиганиев (из Кургальжинского района), Н. Аниашвили (из Линихамадской муниципальной области), А. Антонов (из Башкирской Республики), Н. Арсланов (г. Пенза), Г. Арбабов (из Сазанского района), А. Ашурбеков (из Калмыкии), А. Баканов (из Ингушетии), Героянцкая область), В. Батыев (г. Тайвань-Ленинградской области), А. Баскаков (г. Гурьев, Латвийской ССР), А. Беспалов (из Пензенской, Якутской АССР), А. Борисов (из Краснодарского края), В. Большаков (из Томской, Московской областей), П. Бондарев (из Краснодарского края), Ю. Борисов (из Болгарской АССР), И. Брагин (г. Куйбышев), Н. Буднов (г. Владивосток), Рязановская область), В. Буланов (из Башкирии), В. Башмаков (из Магнитогорска), В. Васильев (из Новосибирской области), В. Веселов (из Тульской области), Г. Гареев (из Горьковской области), А. Шинуковец (из Нижегородской области).

(г. Ташкент), **В. Виноградов** (г. Свердловск), **И. Власов** (г. Красноярск), **В. Волков** (г. Томск), **А. Воронцов** (г. Краснодар), **К. Воронин** (г. Ереван), **Г. Гаврилов** (г. Бобруйск), **Л. Гайдуков** (г. Златоуст), **П. Гайдуков** (г. Нижегородская область), **П. Годлевский** (Федоровск), зоопарк, Кустанайская область, **Д. Годлевский** (г. Астана), **Г. Годлевский** (г. Алматы), **А. Голов** (г. Елец), **В. Горбунов** (г. Брест), **А. Григорьев** (г. Краснодар), **С. Григорьев** (г. Ленинград), **Х. Давлетбаев** (г. Ташкент), **Т. Даудзинов** (г. Мостовской), **А. Даудзинов** (г. Астрахань), **Л. Диабров** (г. Каховка Херсонской области), **А. Дмитриев** (г. Верещагинск), **П. Дмитриев** (г. Ульяновск), **А. Емельянов** (г. Звартост, Краснодарский край), **В. Епифанцев**, **Ю. Епифанцев** (г. АССР Н. Есупова), **В. Ефимов** (г. Воронеж), **В. Ефимов** (Белгородская область), **В. Есепов** (г. Сергиев Посад), **В. Жуков** (г. Муравленко), **В. Жуков** (Челябинский край), **Журавлев** (г. Большой Калмыкия), **А. Журавлев** (г. Башкирская АССР), **А. Иванов** (Киров), **Калмыков** (г. Калмыкия), **А. Калмыков** (г. Майкоп), **В. Калюжный** (г. Лисичанская областей), **М. Кац** (г. Алматы), **К. Карабаев** (г. Култасы), **А. Карабаев** (г. Аксай), **А. Карабаев** (г. Чертковец), **А. Каель** (г. Петровск-Забайкальский), **А. Каель** (г. Красногорск), **А. Каель** (г. Гуриониди Ярославской области), **К. Котик** (г. Петровонавлинск), **К. Коновалов** (г. Краснодар), **К. Коновалов** (г. Рязань), **А. Коноплев** (г. Таганрог), **А. Конинкин** (г. Калуга), **Г. Кохальский** (г. Охта-Некрасовка), **М. Коновалов** (г. Краснодар), **Г. Корнилов** (Белгородская область), **А. Кончетов** (г. Агадат), **М. Мордовин** (г. АССР), **И. Ковтуш**

гильзы, Тирновской области, В. Куприянов (в. Кадыры, Ташкентской области), Н. Логинов (с. Курчалово, Чечено-Дагестанской области), В. Бурик (г. Усть-Кут, Иркутской области), Н. Мариков (г. Городище, Вологодской области), Е. Марков (г. Северодвинск, Архангельской области), Ю. Мачев (г. Лукомль, Валдайской области), А. Малышевский (г. Челябинск), В. Макалкин (с. Огородник, Башкирской АССР), А. Малышев (г. Краснодар), А. Малышев (г. Томск), В. Мальченко (г. Одесса), Г. Миханавадзе (с. Рахи, Грузинской ССР), А. Михайлов (г. Краснодар), А. Михайлов (с. Кувшиново, Чувашской АССР), А. Михеев (г. Воронеж), А. Михеев (г. Нижний Новгород), Г. Молостов (г. Салават, Башкирской АССР), А. Молостов (г. Таганрог), В. Смирнов (Рязанская область), С. Мочникин (ст. Трудмаяка, Кемеровской области), А. Мусатов (г. Салават, Башкирская АССР), А. Нафиков (г. Н. Новгород), А. Нафиков (г. Борисоглебск, Ярославской области), (первоначально Тверской области), Н. Нестеров (свояков Южно-Татарской АССР), С. Невинномысский (г. Невинномысск, Ставропольского края), Т. Николаев (г. Ленинхамзия, Мурманская область), В. Огланиев (г. Лесосибирск, Кемеровской области), В. Огарев (г. Саранск), В. Олефиренко (г. Владивосток), А. Паунов (г. Колпино, Ленинградской области), Р. Райс (г. Ново-Дворянск, Алтайского края), А. Петров (г. Ташкент), П. Подубийский (г. Звенигород), С. Попов (г. Петрозаводск), П. Попов (г. Петрозаводск), А. Пучинов (г. Красный Судак), А. Пустынников (г. Потыни, Калужской области), А. Радченко (г. Краснодар), Ф. Рогомзин (г. Хабаровск), В. Рузакшинов (г. Шахтырский район).

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б-66, Спартаковская, 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Коммутатор Е 1-70-20.

для справок — доб. 2-42; отделы: литературы и искусства — доб. 2-15; очерки и публицистика — доб. 3-52; международной жизни — доб. 3-21; физкультуры и спорта — доб. 3-44; информации — доб. 2-29; писем — доб. 2-53; науки и техники — Е 7-63-82; сатиры и юмора — Е 7-65-82; оформления — Е 7-51-32.

Главный редактор А. В. Никонов

Редколлегия: Ю. Н. Верченко, Е. А. Долматовский, С. В. Егоров [ответственный секретарь], В. А. Кочетов, В. Л. Разумневич [заместитель главного редактора], Е. И. Рябчиков, А. А. Соскин, Б. И. Степанов

Рикончи на созерцающие

Художественный редактор А. Стуков

Оформление В. Недогонова

Технический редактор Н. Булкина

А 00297. Подписано к печати 29/VII 1961 г.
Тираж 800 000 экз. Изд. № 1463.
Заказ № 1826. Формат бумаги 70Х108/4.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени И. В. Сталина. Москва. ул. «Правды». 24.

ПОЖЕЛАЙ УДАЧИ

Слова К. ВАНШЕНКИНА.
Музыка Э. КОЛМАНОВСКОГО.

Отпываю завтра я,
Что ж, не первый случай.
Ты хорошая моя,
Эри собой не мучай.
Я вблизи тебя люблю,
А вдали тем паче.
На прощанье кораблю
Пожелай удачи.

Там повсюду снег да лед,
Голый камень серый.
Экспедиция идет
Далеко на север.
Все мне будет по плечу,
Так или иначе.
Сделать много я хочу.
Пожелай удачи.

Сият звезды в вышине.
Ветер, ветки гнутся,
Предстоит ехать мне,
Предстоит вернуться.
Предстоит еще решить
Разные задачи.
Предстоит на свете жить —
Пожелай удачи.

Вздохи р а tempo
от изы ва ю зовт ра я. Что ж не
пер вый изы ви ти ко ро ша я мо.

Один р
зра со бя не му чай. И вбли
Вздохи
зи те ба люб до, а для дин тем па ме. На про
шк а не ко раб ло по же лай у-

Подброжить от знака §
и перейти на знак ♦
ла ки у — да чи. Поже лай у—

dim poco rit pp

dim poco rit pp

Рисунок В. ЮДИНА.

Цена номера 20 коп.